

Юрий Артемьев

КОТТИ

КНИГА ТРЕТЬЯ

ДЕВОЧКА СО СКРИПКОЙ

18+

ИМЕЮТСЯ СЦЕНЫ ЖЕСТОКОСТИ
НЕНОРМАТИВНАЯ ЛЕНСМА

Люди, кого мы встречаем в пути... Кто они? Друзья или враги?
На кого можно положиться, а кому лучше не доверять?
Враги жестоки и коварны... А друзья? Кого можно назвать другом?

Глава 1

— Инга! Ответь мне, Инга! Мне нужна твоя помощь!

Нет ответа. Зову, зову... Всё как в пустоту.

А мне так важно, чтобы Инга именно сейчас была со мной. Я ведь не знаю, что за человек сейчас напротив меня. Может быть, он реально из прошлой жизни Инги и она его знает. Рассказывает он вообще-то очень складно, но... В этом мире я стараюсь не верить никому. Для меня это всё, как работа разведчика в тылу врага. Я уже столько всяких историй складных выдумал, что и сам могу скоро запутаться. Где и кому я что говорил? История Инги? История Александры? Моя история... Стоп. Эту историю я никому не рассказывал, кроме Инги и никому рассказывать в принципе не планировал. А ещё есть история Александры Котовой, наложенная на историю Инги с её шрамами и амнезией. Что мне в этот раз предстоит рассказать. И что ему вообще надо от меня?

— Инга! Где ты? Помоги мне!

Тихий голос издалека.

— Саша... Я всё слышу. Не кричи! Я кажется его помню. Но тогда он был другим... Не таким худым. Это дядя Наташа...

— Чего? Какая дядя Наташа? Ты о чём.

— Это я его так называла в детстве... Давно... Его имя Анатолий... Ну или Натан. Так его жена называла. Он на трубе играл... И на другой трубе... такой изогнутой... Саксофон...

— Я знаю, что такое саксофон. Ладно. Мне ясно, что он знал и тебя, и твоих родителей. Но как он узнал тебя через много лет? Как он узнал Ингу, с короткой стрижкой, одетую под мальчика?

Натан Левин, а по паспорту Анатолий Борисович Левин, был цирковым музыкантом. Духовик. Трубочка... Хороший музыкант. Ему что на тромбоне, что на саксофоне, что на трубе... Он шутил, что только геликон не любит. Таскать тяжело....

С отцом Инги они были друзьями. И даже дружили семьями. Жену Натана звали Мириам, а по-домашнему Мира. А с их дочкой Машей Инга даже дружила. Ну, правда, какая это дружба. Играли вместе иногда, когда две семьи пересекались. Инга Котти занималась гимнастикой и акробатикой, а еврейская девочка занималась музыкой и осваивала скрипку.

Дочку Натан назвал Марией. А в семье то Машей, то Марой, и даже Мирой, как и жену. Особенно когда возникали у него с женой какие-либо разногласия, то он брал дочку на колени и говорил жене: Ну, всё... Миру — Мир.

Мириам была нормальной женой. Но она как всякая еврейская жена была всегда чем-то не очень довольна. И это недовольство, конечно же, было в адрес Натана. Мало зарабатывает, много работает. Дома не бывает, а денег в дом не приносит. Хотя это было и отчасти вполне правдиво. Цирковым музыкантам платили, конечно, но эта работа была как бы сезонной. Если цирк уезжал на гастроли, то с цирком ехал дирижер. А музыканты были во временном застое. Кто-то подрабатывал и зарабатывал, а кому-то это не удавалось. Анатолий даже пострадал лет пятнадцать назад из-за саксофона, который вдруг объявили буржуазным инструментом. Все слышали небось этот дурацкий слоган: «Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст.» Банально... Глупо. Но и так было. И за музыку и за литературу можно было попасть во враги народа. Хотя и совсем неправдой это тоже не было. Да. Были диссиденты, была оппозиция к власти. И конечно же евреев среди

инакомыслящих хватало.

Ну, вот и Натан попал под кампанию борьбы с инакомыслием. Хотя он не был ни диссидентом, ни ярым врагом Советской власти. Он был музыкантом и всё... Ничего более. А вот его жена не хотела мириться с такой жизнью. Она хотела уехать из Советского союза. Но в Израиль она не хотела. Там воевали с арабами. И даже женщин призывали в армию. Мира хотела в Америку. США казалось сказочной страной, где сбываются все мечты.

С высоты своих прожитых лет и зная будущее как минимум лет на пятьдесят вперёд, я прекрасно понимаю, что это всё враньё. Не у всех сбывались мечты в Америке. Ой. Далек не у всех. Даже знаменитые в СССР люди. Люди, которые здесь имели огромные возможности, по приезде в желанную такую свободную Америку, свободно имели право... мыть посуду на кухне дешёвого кафе, или музицировать в ресторане, пока почтенная публика поглощала пищу. Ну, кому-то удавалось неплохо пристроиться. Но процент этих счастливчиков был крайне невелик.

Мириам Левину это не волновало. Она постоянно пилила мужа, чтобы он что-то делал в этом направлении.

Но всё это было позже. А меня больше интересовал период, когда погибли родители Инги и что произошло после этого... Почему никто из цирка не заинтересовался судьбой Инги? Куда делась квартира, в которой жила семья Котти? Где деньги и ценности? Хотя бы какие-то вещи? Ведь Инга — единственная наследница своих родителей не получила ни копейки. Да что деньги? Даже ни лоскутка ткани из своих вещей. Неужели семья жила в лесу, в шалаше? И из вещей был только каменный топор и машина, на которой они разбились. Раз уж была машина, то и деньги в семье явно водились. Ведь не на последние же копейки отец покупал хоть и подержанную, но всё же вполне свежую машину. У меня много вопросов, ответов на которые я пока не имел.

Натан рассказал мне, что после смерти моих родителей, он даже хотел взять меня к себе в семью. Но жена была против, и встала стеной. Маша плакала. Хотела поехать ко мне в больницу. Но мама была категорически против. Дочке шесть лет. Какие права у ребёнка в этом возрасте?

Мириам просто сказала, что хочет уехать из этой страны. А если удочерять чужих детей, то потом их не выпустят из СССР. И не об этом надо думать Натану, а о том, как получить разрешение на выезд.

А с разрешением возникли определённые проблемы. Началось с того, что через год, после того, как Анатолий Левин стал только интересоваться у знакомых ему евреев, о процессе отъезда на «историческую Родину», его вызвали в КГБ...

Зачем Вы, гражданин Левин интересуетесь вопросами эмиграции? Вам что, Советская власть не нравится? Вы знаете какое положение в мире? Израиль нападает на соседние страны. Весь советский народ помогает арабам бороться против захватчиков... Ну и как же в такой обстановке, советский гражданин Левин собирается с семьёй перебраться в стан врагов...

Между Израилем и Египтом уже шла война. Израиль захватил Голанские высоты и Сектор Газа. Советский союз поддерживал арабов, а Израиль разгромил Египет в шестидневной войне. После этого СССР официально разорвал дипломатические отношения с Израилем. И разумеется, разговоры об эмиграции и переезде в страну обетованную в семье Левиных сошли на нет. Мириам была этим очень расстроена. Даже очень-очень... Она твердила, что надо было раньше всё делать, а Натан потерял так много времени на

выяснение подробностей. Надо было сразу эмигрировать, а теперь это невозможно... Ну и так далее...

А потом в 1968 году произошли события в Чехословакии. «Пражская весна». Семью Левиных это не касалось, ну ни каким боком. Но зато комитетчики усилили борьбы с инакомыслием. А тем самым на возможности выезда за рубеж семьи бедного еврея-музыканта был поставлен большой жирный крест.

Обстановка в семье стала та ещё. Может, из-за происков вездесущего КГБ, а может и просто по какой другой причине, но и на работе у музыканта начались проблемы. Натан по-прежнему играл в цирковом оркестре, но с подработками стали возникать загвоздки. Денег стало не хватать. Мириам работала в каком-то строительном тресте. У неё на работе тоже произошло внезапное сокращение штатов, и пришлось уволиться с работы. От этого она ещё больше была расстроена. Ситуация уже была патовая, когда...

В один из обычных будних дней, примерно полтора года назад, произошло то, что разделило жизнь Натана Левина на «До» и «После»...

Мы сидели на лавочке в каком-то сквере. Натан всё говорил и говорил. Было видно, что ему надо выговориться. Со стороны он вообще напоминал растрёпанного мокрого воробья, который чудом избежал когтей злого дворового кота. Худой. Небритый, с тёмной щетиной на щеках. А на висках седина... Пальто явно большего размера... Сам немного бледный. С синяками под глазами. Казалось, что он либо болен, либо безумен. Что впрочем, одно другого не исключает.

Он не просто говорил. Он исповедовался... Он не стеснялся в выражениях. Он говорил с том, что думал, не боясь уже никого и ничего...

Я его слушал очень внимательно и не перебивал. После того, как он окончательно убедился, что я — Инга, он не стал сразу же пытаться меня о моих злоключениях. Он стал рассказывать о своих. Ему надо было излить кому-то свою боль. Свою историю... И вот он случайно нашёл такого человека...

А я слушал и мысленно вспоминал всё, что я знал про этот период мировой истории. Про войну во Вьетнаме. Про события в Чехословакии. Про арабо-израильский конфликт и его последствия для советских евреев.

Видимо перейдя к какому-то очень важному моменту своего рассказа, мой собеседник стал слегка заикаться, что при его лёгкой картавости звучало уже вообще инфернально. По крайней мере, именно такой блеск был в его глазах.

3-го декабря 1968 года — был обычный будний день. Вторник. Маша с утра убежала в школу. Натан ещё обратил внимание, что она забыла свою скрипку. По вторникам она всегда ходила в музыкальную школу. Скрипка была ещё «детская» одна вторая или как принято у музыкантов — «половинка». За последний год дочка вытянулась. И ей эта скрипка уже стала маловата. Даже учитель музыки на это обратил внимание. И заботливый отец уже озаботился приобретением скрипки нужного размера. Брат три четверти не стал, сразу купил «целую», то есть четыре четверти. Дочка, хоть и худенькая у него, но вон как вымахала, страусёнок... Уже и туфли мамино размера подходят, и длина рук позволяет использовать «взрослую» скрипку. Новая скрипка уже лежала на антресолях. Подарок на день рождения дочери семнадцатого января следующего года. Осталось подождать недолго...

Насчёт забытой дочерью скрипки. Натан Левин не переживал. Маша периодически «забывала» скрипку дома, чтобы не таскаться в обычной школе и с портфелем, и со скрипичным футляром. Девочка после школы просто забегала домой, заодно перехватывая маминых пирожков. Он гордился своей дочкой. Она старательно училась. И в школе, и в музыкалке к ней не было претензий у преподавателей.

Кто же знал, что лучше бы она в этот день взяла скрипку с собой...

У Натана в тот день была репетиция, поэтому он уже к десяти часам был в цирке. То, что произошло дальше в его квартире, он узнал гораздо позже... От следователя...

Мириам была дома одна. Когда примерно в полдень позвонили в дверь, она даже не насторожилась. На вопрос: «Кто там?», вполне обычный женский голос ей сообщил: «Телеграмма.», а потом ещё и уточнили, что из Одессы. Одесса — это был родной город Миры. Там жила её мама. Женщина открыла дверь, не подозревая об опасности.

Удар по голове ей нанесли сразу же. Мириам без сознания упала на пол... В квартиру

ворвались трое. Двое мужчин подхватив упавшее на пол прихожей тело хозяйки квартиры, затащили его в одну из комнат. А женщина спокойно закрыла входную дверь изнутри и присоединилась к ним. Миру привязали к креслу. Старое, обтянутое кожей кресло из натурального дерева. Руки жертвы привязали к подлокотникам, ноги — к ножкам кресла. В рот запихали кляп.

Затем вся троица стала тщательно обыскивать квартиру. Искали тщательно. Чувствовался большой опыт. Быстро была найдена шкатулка с золотыми украшениями и деньги, которые никто и не прятал видимо. Деньги просто лежали в выдвижном ящике платяного шкафа. Старого шкафа, ещё довоенного. Да и почти вся мебель была не новая.

Через некоторое время налётчики уже закончили обшаривать квартиру. Вещи из шкафов были вытряхнуты. Книжки перелистаны, даже крупу высыпали из банок на кухне. Видимо им показалось мало того, что они нашли. К этому времени хозяйка квартиры уже очнулась. Она смотрела на чужих людей, роющихся в её вещах, безумными глазами.

Один из грабителей, заметив, что жертва очнулась, приставил ей нож к шее и грозно сказал, чтобы она признавалась, где хранятся деньги и другие ценности. Связанная по рукам и ногам женщина только мотала головой в знак отрицания. А ничего особо ценного у них и не было. Натан уже год как стал получать вдвое меньше, чем раньше. А сама она уже два месяца как не работала. Все деньги уходили на еду, одежду для дочери... Лишнего не было. Драгоценности? Совсем немного. Для выхода в свет, так сказать... Когда он был в последний раз этот «выход в свет»... Её пытали, тыкали ножом, били. Но что она могла им сказать? Больше отдать было нечего. Её мучили почти два часа.

Один из троицы нашёл на антресолях скрипичный футляр с новой скрипкой. Даже отломал у скрипки нижнюю деку, подцепив ножом... Что он там искал? Может думал, что внутри скрипки спрятаны деньги. Только зачем так прятать?

Как потом сказал следователь, была целая серия краж и ограблений квартир еврейских семей, которые собирались выехать за рубеж, или просто интересовались вопросами эмиграции. Возможно, злодей подумал, что в скрипке хитрые эмигранты спрятали бриллианты или доллары. Кто ж его знает, о чём он думал.

Через неделю попался один из налётчиков. Он пытался продать кое-что приметное из золотых изделий, похищенных в другой квартире. А уж потом при обыске у его сожительницы, нашли золото из квартиры Левиных. Своих подельников он не выдал. Видимо боялся их сильнее, чем тюремного срока. Но это было уже потом...

Миру задушили, просто затянув на шее кухонное полотенце. Но к тому времени она уже была сильно изуродована. На теле насчитали больше полусотни ножевых. Болезненных, но не смертельных. Изрезано было и лицо и шея. Но всё же, по заключению патологоанатома, умерла она от асфиксии.

Когда грабители уже собирались уходить, из школы неожиданно вернулась дочка. Её не должно быть дома в это время... Она вернулась за скрипкой. Прилежная девочка, которая любила музыку...

Маша открыла дверь своим ключом. Она не успела даже войти, как её начали бить ножом прямо тут в прихожей. Она успела закричать, и тем самым поднять шум в подъезде и спугнуть налётчиков. Ей успели нанести восемь ножевых ран. В грудь, в шею, в лицо... Одна из ран прилась на левый глаз.

Милицию и скорую помощь вызвали соседи...

Не смотря на сильную кровопотерю, девочка была ещё жива, когда прибыл наряд

милиции... Она умерла на руках у врачей скорой...

Когда Натану сообщили о случившемся, он не поверил. Бросив всё, даже не одевшись, он помчался домой. Обычно до работы он добирался примерно за полчаса. От его дома на улице Гашека, надо было всего лишь дойти до Садового кольца и сесть на «Букашку». Маршрут троллейбуса с номером «Б» пролегал по кольцу. До Цветного было не так далеко. Но после тревожного сообщения он побежал. Он бежал так, как не бегал никогда в жизни, ни до, ни после этого зловещего события. Прибежал к своему дому он примерно минут за пятнадцать

Натан опоздал... Он и не мог успеть. Всё, что ему было дорого в этой жизни, уже было за гранью. За той гранью, откуда нет возврата.

Когда Натан влетел на свой этаж, он увидел много разных людей. Врачи скорой помощи, соседи, милиционеры... Соседи смотрели на него с жалостью. Сержант милиции попытался не пустить его внутрь. Он его просто отшвырнул, даже не прилагая усилия.

Маша лежала прямо здесь, в прихожей. Кровь была повсюду. Лужи на полу, брызги на стенах... Натан застыл, как наткнувшись на стену...

Два сотрудника милиции, схватив обезумевшего отца за руки, вытащили его из квартиры. А он вырывался, он был как дикий раненый зверь. Он бился в руках дюжих ментов. Его трясло. Из глаз просто ручьём лились слёзы. А потом он забился, задыхаясь в конвульсиях, и осел на грязном полу. Врачи со скорой сделали ему какой-то укол, прямо в плечо. У него что-то спрашивали. Но он смотрел на людей непонимающими глазами и плакал. Его забрали в больницу. Трупы увезли. Квартиру опечатали...

Пришёл в себя он лишь через день. Когда у него спросили, кто будет заниматься организацией похорон. Тогда, он решил всё сделать сам. Он не смог уберечь своих близких. Но он просто обязан отдать им последний долг.

Деньгами помогли с работы. В его глаза боялись взглянуть. А он практически ни с кем не говорил. Так... Отвечал на вопросы. Скупое и конкретно. Не более.

Через неделю после похорон Левина попытались вызвать на работу. И хотя говорят, что незаменимых не бывает, но он был хорошим музыкантом. К тому же — универсал. Труба. Саксофон и т. д. Он мог играть почти на всех духовых инструментах.

За ним отправили сотрудника. Одного из его товарищей по оркестру. Натан всё это время провёл дома, никуда не выходя. Он с трудом дошел до двери, чтобы открыть её после длительных звонков и стука в дверь. Выглядел он так, что пришедший к нему гость сразу же вызвал скорую помощь. Врачи, после его госпитализации обнаружили у него прогрессирующую болезнь лёгких. Может он заработал пневмонию, когда без верхней одежды в начале морозного декабря бежал на место гибели его жены и дочери. Кто знает? Подозревали рак лёгких. Но откуда? Натан же никогда не курил. Он был музыкант-духовик. Был... Работать по своей профессии он больше не мог.

После выхода из больницы он обменял свою двухкомнатную квартиру почти в центре Москвы на однокомнатную в Черёмушках. Конечно с доплатой. Доплата была не так велика, но не это главное. Он не мог больше жить там, где убили его девочек...

Большую часть мебели он оставил там... Шкафы и кресла? Куда их везти? В однокомнатную хрущёбу? Забрал только личные вещи. Свои и... их... Диван. Стол. Пара стульев... Что ему ещё надо...

Врачи не давали прогнозов. Но он чувствовал, что ему не так много осталось. За полгода он потерял больше двадцати килограмм веса. Иногда он задыхался, даже поднявшись по

лестнице всего на свой второй этаж... Деньги полученные как доплату за квартиру он положил на сберкнижку... Их должно было хватить ему на всю оставшуюся жизнь... А жить ему осталось не так долго...

Иногда он приезжал в район своего бывшего дома. Бродил по знакомым переулкам. Там, где раньше они иногда гуляли все вместе. Тишинский рынок был совсем недалеко от его дома. Туда он с женой и дочкой частенько ходил за овощами и фруктами. А иногда и покупали что-нибудь из вещей...

Кому теперь нужны были эти вещи? Он как привёз всё на новое место жительства, так и не трогал с тех пор. Больше половины его комнаты занимали неразобранные коробки.

Сегодня было особенно грустно. Первое мая. Люди по улицами толпами. Все радуются. Орут чего-то. Веселятся.

Он поехал опять, побродить по местам своего прошлого...

Ему показалось знакомым лицо паренька лет тринадцати-четырнадцати, ровесника дочери. Он никак не мог вспомнить, где видел этого парня. Может одноклассник Маши по школе? Или из музыкалки? Лицо уж больно знакомое.

И вдруг узнавание пронзило его. И это не парень, а девушка. Девочка... Инга... Котти... Дочь его друга. Она так похожа на своего отца, погибшего несколько лет назад. Те же светлые, почти белые волосы, только слишком короткие для девочки.

Не может быть...

Она?

Не она?

Девушка заметила его пристальное внимание. Стала уходить. Почему?

Он пошёл за ней, а догнав, прямо спросил:

— Вас же зовут Инга? Инга Котти?

Ну, что же? Настала очередь моей исповеди? Мне тоже было что рассказать этому несчастному человеку.

Но хочу ли я рассказывать ему всю правду? Мне его искренне жаль. Жалко Машу, с которой я мог бы подружиться. Жалко его жену, хотя я её совсем не помню. Но надо ли мне рассказывать ему ВСЁ обо мне? Вряд ли. Историю Инги — да. Можно... Но слегка подкорректируем. Не стоит ему знать о том, что я уже отомстил за Ингу и отправил в мир иной троих малолетних козлов, а в придачу и директрису Тонну-Нонну.

Почувствовав возникшую в разговоре паузу, мой собеседник вдруг включил «режим заботливого взрослого».

— Инга! Ты не голодная?

— Да, перекусить было бы неплохо.

А про себя подумал, что не отказался бы и от ванны, и от возможности просто выспаться в нормальной постели. Но почему-то предложения от Натана, поехать к нему домой не поступило.

— Может, зайдём в кафе?

— Я думаю, что там сейчас народу много. Праздник... Да и поговорить там не удастся. Дядя Наташ, а давайте к Вам поедем.

— Ко мне? — похоже, он впал в ступор.

Я, конечно, не такой физиономист, как герой Тима Рота из известного сериала «Обмани меня», или как там называется специалист по физиогномике. Но даже я понял, что вести меня к себе домой мужчина не очень хочет. Или даже очень не хочет... Интересно, почему? Стесняется, как девочка, что у него там «не убрано». А я и так прекрасно понимаю, что у него там бардак и разруха.

— Натан Борисович! Честно говоря, я с дороги. Мне бы умыться, а то и помыться не помешает.

— Да, да... Я не подумал... Но надо бы что-то купить из еды. У меня дома...

— Сейчас купим... Правда сегодня магазины не работают вроде бы. А давайте возьмём каких-нибудь пирожков, а у Вас просто чаю попьюм.

— Да... — он явно был немного не в себе...

Я взял его за руку:

— Мне тоже есть о чём рассказать. И это будет долгий разговор. Только надо сначала мои вещи забрать. Они в камере хранения на Белорусском вокзале.

Теперь стало попроще. Я понял, что у этого человека слишком много тараканов в башке. Но если его просто подталкивать в нужном направлении, то он вполне вменяем. Видимо он и раньше был по жизни, так сказать, ведомым. Это как у лётчиков: Впереди — ведущий, а следом за ним — ведомый. Наверное его с детства опекала заботливая еврейская мама, а потом эту ношу на себя приняла его жена. А сейчас он, как потерянный щенок. Бредёт куда-то в никуда.

Нет, я не прожженный циник, но в данной ситуации с удовольствием воспользовался бы подвернувшейся ситуацией. К тому же мне тоже, как тому бездомному щенку, идти некуда...

Пока шли в сторону Белорусского вокзала, он уже успел мне пояснить своё нежелание пригласить меня к себе домой. Как я правильно понял, у него там не только бардак, но и

склад забытых вещей. Переехав он не позаботился даже о том, чтобы организовать свой быт по нормальному. Да и питается он где попало и чем попало. Как он сказал, что после того злосчастного дня аппетита у него нет никакого. Да и болезнь его только прогрессирует.

Про болезнь я и так понял. Он шёл рядом со мной, но видно было, что длительные пешие прогулки нынче — это не его. Но всё равно, минут за двадцать мы уже дошли до вокзала. Забрать мою сумку из автоматической ячейки — дело нескольких минут. И вот уже мы едем на метро до Новых Черемушек.

Пятиэтажная панельная хрущёвка на улице Гарибальди. Второй этаж угловая однокомнатная квартира.

Да... В своё время я иногда по службе посещал разные запущенные квартиры. Но такого я давненько не видал. Из мебели... только минимум. Столик на кухне. Табуретка. Пара стульев в комнате. На одном из них навалена одежда. Диван застелен простыней, явно несвежей. Постель скомкана. Подушка без наволочки. Одеяло без пододеяльника. Половину комнаты занимают коробки с вещами, связки книг, какие-то тюки...

Отдельное место занимают музыкальные инструменты. Пара скрипичных футляров. Один побольше и поновее, другой потёртый и более мелкий. Несколько кофров с духовыми. Судя по форме футляров — саксофон и какие-то трубы. Не особо я в этом разбираюсь, если честно. Связанные шпагатом папки с бумагами. Может ноты...

Но хозяин тут явно не Натан Борисович. Хозяева по всей квартире пешком ходят, никого не стесняясь.

Тараканы! Рыжие. Наглые. Откормленные... Не удивлюсь, если по соседству с ними, в диване обитают и клопы.

Короче... Запускание полное. И видимо это не смущало хозяина квартиры. Но только до моего прихода. Сейчас ему было стыдно. И мне это было отчётливо видно.

Слегка заикаясь, и по-прежнему активно картавя, он пробурчал, как бы про себя:

— Не газуйся! Здесь г-гязно. И-извини. Инга! Я т-тут не убегал... давно...

— Ясно. Может помочь в уборке?

— Нет! — резко ответил бывший музыкант. — Я сам... Если тебе надо умыться, то ванна...

— Спасибо! Я недолго.

— Я зажгу колонку. Она на кухне...

В ванной тоже было мерзковато. Но всё же было место, куда повесить сумку. Ставить её на грязный пол я не захотел. Санузел совместный. Унитаз тут же. Это хорошо. Но похоже у него там что-то не так со сливом... Разберёмся и с этим. Стульчак отдельно. На стене висит, на гвоздике. Ну, хоть есть он и то ладно.

Сама ванна была короткая, сидячая. Но садиться в неё я не планировал. Для приличия, заперев дверь изнутри на крючок, я разделся. Грязную одежду повесил на крючок. Их было несколько в ряд. Но на одном из них уже висела моя сумка. На другом было хозяйское вафельное полотенце, больше напоминающее серую тряпку. Слава богу, у меня есть своё.

Из крана уже течёт вполне тёплая вода. Правда пока чуть желтовато-ржавая. Подожду чуть-чуть, пусть сольётся... Душевая лейка не съёмная. Она приделана к стене почти под потолком. Переключаю кран. Ржавость воды уже прошла. Залезаю в ванну, вставая под слегка парящие водяные струи.

И всё-таки — это счастье! Стоять вот так под струями горячей воды и наслаждаться... Что может быть приятнее после долгой дороги и ночёвки в землянке.? Ну разве что

погружение в горячую ванну, да с пеной, да с...

Нет. То, что пока недоступно, пусть останется где-то там. А вот то, что есть — тем и будем наслаждаться. Я бы и холодной помылся, но боюсь, замёрз бы.

Растерев себя полотенцем, я почувствовал бодрость и... немного голод. Пирожки то мы по дороге всё-таки купили, ещё на вокзале. Кстати, они и сейчас у меня в сумке. А больше некуда было положить. Время вездесущих полиэтиленовых пакетов ещё не пришло.

Одевшись в чистые трусы, я решил надеть платье. Так проще. Да и брюки пора бы простирнуть. И всё остальное тоже. Если получится здесь заземлиться, то постираю. Но пока не буду торопиться. Вдруг не срастётся... Что мне тогда делать с мокрыми штанами?

Выйдя из ванной, практически сразу попадаешь на кухню. Такая планировка. Вижу, что хозяин уже слегка прибрался здесь. стол протёрт, рядом табуретка и стул. На столе уже стоял пышущий жаром железный чайник, а в маленьком фарфоровом заваривался ароматный напиток. Я выложил на стол кулёк с пирожками. Чашки были не из сервиза. Одна побольше, другая слегка поменьше. Чайные ложечки, блюдца... всё как положено. Но при этом в раковине — гора немытой посуды. Явно хозяин как минимум полгода тут гостей не принимал.

Чай с пирожками это прекрасно...

А я всё думал, что же делать дальше. Для чего я всё это делаю? Вооружаюсь?... Планирую мочить маньяков по всей стране... Как минимум тех, кого вспомню. Их было много больше, чем содержит моя память.

Ну а дальше? Что делать? Инга мне теперь не помощник. Она замкнулась в себе и спряталась в глубине подсознания...

Что делает обычный среднестатистический попаданец? Я не буду даже вспоминать тех, кто сразу начинает учиться в магической академии, трахает эльфиек, мочит орков и подчиня себе драконов, становится властелином мира. Не хочу вспоминать и тех, кто в далёком средневековье куёт в кузнице пулемёт, а потом мочит Батыя с Чингисханом, взрывает Англию вместе со всеми Британскими островами, а потом объединяет Русь от Лиссабона до Порт-Артура. При этом мимоходом захватывает Царьград и Иерусалим и придачу.

О тех, кто в одиночку побеждает дивизию Гудериана, взрывает Гитлера в его бункере, лечит Сталина и спасает президента Кеннеди, тоже умолчим.

Все эти попаданцы — это же просто гиганты. Они могут собрать на коленке автомат Калашникова и сделать компьютер из запчастей от телефона Белла. А уж какую командирскую башенку для Т-34 они могут сотворить...

Я этого всего не умею.

И это всё сказки... Сказки для детей пенсионного возраста...

Смешно. А то, что я здесь и сейчас — это не сказка? Сижу вот первого мая 1970 года и пью чай с человеком, который думает, что я маленькая девочка... А я сейчас ещё только маленький мальчик. Мне настоящему пока ещё всего шесть лет. Но мне, который из будущего, уже шестьдесят... И это не сказка? Я вас умоляю... Похоже прав был автор песни: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью! Преодолеть пространство и простор...» Он забыл ещё упомянуть о том, чтобы преодолеть время. Но это, наверное, уже другая песня...

Песня? Песня!

Читал я и про таких попаданцев. Один с ноутбуком провалился. Другой со смартфоном, напичканным электронными книгами и песнями на разных языках. У третьего была феноменальная память. Он помнил всё, про всё. Все исторические события с подробностями, все песни с нотами, все книги с запятыми... Кажется он тоже разбогател как Рокфеллер, и прославился на весь мир, как Гагарин. Спас Советский союз, ну и так далее...

Нет, я могу, конечно, написать несколько песенок. И кстати, Натан Борисович мне в этом во многом может помочь. Если, конечно, не умрёт от своей неизвестной пока мне болезни, через пару минут, после того, как допьёт свой чай, сидя напротив меня...

Допив свой чай, я поставил чашку на стол. Посмотрев пристально, прямо в глаза сидящему напротив меня человеку, я спросил:

— Дядя Натан! Вы хотите жить?

Он поперхнулся, и долго молча смотрел на меня своими тёмными глазами, в которых плескалась боль. Ответ его был предсказуем.

— Я не знаю...

— И всё же?

— Я не могу понять: Зачем мне жить? После того... После того, как я остался один... Всё стало... Стало таким ненужным... Бессмысленным...

— Я это понимаю. И в чём-то даже очень. После того, что случилось со мной, смысл моей жизни тоже пропал. Только потом, после того, как меня убили...

— Что?

— Почти убили... Очень хотели, но у них не вышло... После этого появилась цель.

— Какая? — голос его задрожал. — Какая цель?

— Выжить! Отомстить! И жить назло всем смертям! Жить так, чтобы те, кого я потерял, могли бы мною гордиться.

— ...

— Жить так, чтобы не было стыдно за бесцельно прожитое время, как бы это ни банально звучало. Не сломаться! Не сдаваться!

Меня пробило на пафос, но он шёл от души. Откуда-то изнутри наружу рвалось какое-то непонятное чувство. Чувство того, что у меня может получиться всё, что я задумал. Всё, что я ещё не задумал, но придумаю после. И в этот момент я искренне верил в то, что говорю.

Левин смотрел на меня, вытаращив глаза. Не зря говорят, что глаза — зеркало души. В его глазах сверкали золотые искорки. Или это так бликовал свет, отражаясь в наполненных слезами органах зрения? Не важно. Его глаза горели решимостью. Это было так неожиданно, что я даже опешил.

Только что передо мною сидел больной человек, чья худая шея болталась в ворота рубахи, как карандаш в стакане. Человек с потухшим взглядом. Человек готовый к смерти. Человек, умирающий от неизлечимой болезни...

А сейчас это был... Павка Корчагин, готовый в одиночку построить железную дорогу через тайгу и тундру. Камикадзе, готовый своим самолётом пробить насквозь американский авианосец.

Но лёгкий налёт сомнения у него всё же остался.

— Но, что... Что я могу сделать?

— Что МЫ сможем сделать!

А для начала, я всё же решил ему рассказать свою историю. На этот раз это была подлинная история Инги. История практически без купюр.

За исключением, разве что вселения в разум бедной маленькой девочки старого ветерана с боевым опытом. Об этом я благоразумно умолчал.

Начал с аварии. Подробно рассказал про то, как, потеряв обоих родителей, Инга лежала в больнице, а после, даже не попав в свою квартиру, очутилась в школе-интернате. Про то, как её избили, ещё в первом классе, всего лишь за то, что она была цирковая гимнастка. За то, что у неё получалось на физкультуре то, о чём другие до сих пор не могут мечтать. Рассказал про скудное питание и те обноски, в которых ходят дети в интернате. Про постоянные побои и издевательства со стороны более старших учеников. Про то, как это старательно не замечают учителя и администрация школы. Про то, что из-за полного безденежья девочка согласилась помогать малолетним квартирным воришкам.

Ну а дальше рассказывал про более свежие события. Про изнасилование. Про то, как её сбросили с крыши. Про то, как очнулась, проткнутая веткой дерева. И даже про то, что в больнице у неё вырезали всё женское.

Я даже не стесняясь взрослого мужчины, задрал платье и показал шрамы на животе и спине.

Рассказал про временную потерю памяти у Инги после падения с крыши. А потом когда память стала возвращаться. Она скрыла это. Чтобы не возвращаться в интернат как можно дольше.

Про то, что в больнице, выздоравливая, Инга стала заниматься чем-то вроде рукопашного боя. Откуда она взяла все эти приёмы? А просто представляла своих врагов и

била. Била как умела, ногами, руками... Она же ведь «Циркачка». Так ведь её звали (дразнили) в школе злые дети. А детей нормальных там было, раз-два и обчёлся... Большинство лишилось родителей по причине того, что: «Папа убил маму, а его посадили...» ну или «Мама зарезала папу кухонным ножом.» А были просто дети, забранные у родителей-алкоголиков. Ну и соответствующая наследственность, разумеется, присутствовала у этих обездоленных детей.

Рассказал, про то, как Ингу вернули в интернат. И все знали: Кто и что с ней сделал, но делали вид, что не знают. Поэтому Инга придерживаясь своей версии о временной потере памяти, старалась делать вид, что тоже ничего не знает...

А потом, как в омут с головой нырнул. Не знаю почему, но я стал рассказывать о том, о чём рассказывать вроде бы даже изначально не собирался. О том, что я убил всех троих своих насильников. Без особых подробностей. Одного утопил в пруду в полынье, предварительно заманив на тонкий лёд. Другого убил, ударив по голове сзади тяжёлым предметом. А третьего сначала оглушил, чтобы потом сделать так, как-будто он сам повесился.

И даже рассказал, что столкнул директрису с обледенелой лестницы, а та почему-то свернула себе шею. Тоже без подробностей.

Натан смотрел на меня странно. В глазах слёзы... Но в тех же глазах решимость. Решимость чего? Я ещё не понял. Я даже не понял пока: Одобряет он мои кровавые похождения или нет.

А... Плевать. Плевать на всё.

Рассказал, что украд чужие документы. Документы девочки на три года старше, пропавшей тогда, когда сама Инга ещё лежала в больнице. Рассказал, что хотел воспользоваться этими документами и начать новую жизнь. И поэтому поехал в Ивановскую область, в родной город той девочки Саше Котовой.

Я лишь пропустил встречу с тётей Наташей на трёх вокзалах и эпизод с тремя козлами в электричке «Москва-Петушки». Я вообще избегал лишних кровавых подробностей.

А потом продолжил, как не доехав до Пучежа, попал в Шую, где и нарвался на драку со шпаной. И как вышел из этой драки победителем, но был избит милиционером. А потом поведал про родственные связи милицейского сержанта и мелкой шпаны. Пояснил откуда и по чьей вине появился новый шрам на спине. Упомянул о том, почему снова симитировал потерю памяти. Я ведь понимал, что иначе меня либо в интернат вернут, либо накажут за якобы «избитых» местных мальчиков. Но в этот раз после обычной больницы меня перевезли в психиатрическую. Может для того, чтобы спрятать... Кто знает на что способен милиционер, защищая своего сыночка...

После этого был рассказ о том, что происходит в психушке.

Натан удивился только, когда я рассказал про встречу с той самой девочкой, документами которой я хотел воспользоваться, в одной палате психиатрической лечебницы. А уж как я тогда в больнице удивился. Я просто не поверил, что бывают такие совпадения.

Пересказал рассказ Александры о том, что с ней сотворили те же самые местные хулиганы. И о том, что тот же самый мент законопатил её в эту психушку.

После рассказ о том кошмаре, который пережила моя новая подруга в месте, где её должны были лечить, а не насиловать, глаза Натана уже сверкали праведным гневом.

Моё решение бежать из ада он принял нормально. Как и рассказ о том, что я убил санитару и санитарку. Но санитарку только после того, как она пробила голову Сашке

пустой винной бутылкой. Про пожар не стал говорить. Просто упомянул, что выпустил на волю остальных психов, а сам уехал на мопеде санитаря.

Ну а дальше... Я в Москве... Пошёл гулять в районе Тишинки и... Вот я здесь...

Вы видели, как плачут мужчины? Нет не от слабости, не от горя. А от невозможности что-то сделать, чтобы защитить тех, кто нуждается в этом? От невозможности что-то исправить. Именно такие глаза были сейчас у этого человека. Да. Он тоже испытал потерю близких. Да он тоже познал горечь утраты. Но когда он слушал мой рассказ... Он плакал... А после вдруг сказал, искренно и с видимым чувством раскаяния:

— Прости меня, Инга!

— За что, Натан Борисович?

— За то, что я послушал жену и не забгал тебя тогда. И всего этого не было бы... А может и мои тогда не постгадали бы, если бы мы жили все вместе и не собигались никуда уезжать из Союза... Может тогда бы никто и не подумал гьабить нас. Бедную семью.... Ведь именно из-за того, что я стал интегесоваться как выехать в Изгаиль...

А вот с этого момента можно и поподробнее... Ведь кто-то же слил эту информацию грабителям. И этот кто-то — один из тех к кому обращался Натан с вопросами.

Теперь уже настал мой черёд задавать вопросы:

— Дядя Натан! А у кого конкретно вы спрашивали про вопросы эмиграции?

— Зачем тебе это?

— А Вас не смутило то, что я уже убила несколько человек?

— ...? — немой вопрос в глазах музыканта...

— Я уже отомстила своим врагам... Не всем пока. И меня не остановит никакая мораль.

Пока не умрут все мои враги, я не успокоюсь. Я буду мстить не только тем, кто лично задел меня и моих близких. Я постараюсь наказать тех, кто убивает детей, женщин. Кто подвергает опасности жизни многих людей из-за своих сиюминутных прихотей. Я знаю много имён. Имён тех, кто уже убил или скоро убьёт. У меня есть информация на несколько лет вперёд. Я знаю, где может упасть самолёт или произойти землетрясение. Я знаю имена некоторых террористов, которые собираются захватить самолёт. И даже в этом году я знаю три такие истории. Чтобы спасти людей, я хочу устранять злодеев. Любым доступным мне способом.

— Но откуда ты всё это знаешь?

— Я уже уходила за грань. Там время течёт по другим законам. И видно не только прошлое, но и будущее. Это всё сложно. Я не могу сразу всё объяснить. Тем более меня тогда занимала только одно. То, что не дало мне уйти. И это что-то — месть... Хотя в очень древней книге написано, что не надо воздавать злом за зло... Но там же и сказано: ...дайте место гневу Божию! «Когда изострю сверкающий меч Мой, и рука Моя примет суд, то отмщу врагам Моим и ненавидящим Меня...» И если кто-то делает зло, то он должен бояться гнева Господа! Ибо есть тот, кто не напрасно носит меч. Он орудие Его гнева на того, кто творит зло... «Мне отмщение, аз воздам!»

Говоря всё это, я встал. Вещал стоя, помогая себе руками. Не так как руками разговаривают итальянцы. Но близко к этому. Скорее, как Ленин на трибуне. При этом смотрел не в глаза Натану, а чуть выше, как бы вдаль... Далеко-далеко...

В процессе своей затянувшейся речи я всё больше распалялся. А на последней фразе, даже чуть не стукнул кулаком по кухонному столу.

Фу-ух... Выдыхаю про себя. Это меня куда-то занесло. Да, был у меня период в моей прошлой жизни, когда я увлечённо читал всё связанное с религией. Не смотря на советское вполне атеистическое воспитание. То ли от нечего делать, то ли из интереса, но я прочитал и Ветхий завет, и Новый. И не просто так прочитал. Сравнивал с религиозными отрывками из «Мастера и Маргариты». Интересовался также совпадениями с Торой и Кораном. Ведь все эти религии произошли из одного источника. И чему удивляться, что Иисус в христианстве — пророк Иса у мусульман... Ну а Тора, или Пятикнижие, — это первые пять книг еврейской Библии. Ну и, соответственно, Ветхого Завета христианской Библии.

Нахватался я разных цитат тогда. Религиозным не стал. Я же уже говорил, что по жизни скорее агностик, чем атеист. Но и относясь с уважением к вере других, просто читал умные мысли и делал для себя определённые выводы. А уж слова про месть и воздаяние злодеям — это мне очень близко было всегда. И в той, и в этой жизни.

Я закончил свою пламенную речь, но продолжал тяжело дышать, смотря куда-то за спину хозяина квартиры, в кухонное окно. Там, за окном были видны зелёные деревья. Их раскачивал сильный ветер. Ветки гнулись под его напором. И как мне кажется, собирался

дождь. Потемнело небо, скрываясь за чёрными тучами... Я замолчал...

Молчал и Натан Левин. Он тоже, скорее всего, был атеистом советского воспитания. И вряд ли у него был такой доступ к религиозным источникам как у меня. Ведь во времена, когда не было интернета, читали на бумаге. И даже некоторых сажали в тюрьму за хранение кое-каких запрещённых бумажных книг. Но даже и без такого знания религии, было видно, что его проняла моя речь...

А потом за окном сверкнула яркая вспышка молнии и прогремел гром. Да не просто гром... Звездануло так, что если бы во дворе стояли машины из моего будущего, то ещё минут десять бы орали на разные голоса сирены противоугонных сигнализаций. Я сам чуть не дёрнулся... А может и дёрнулся от такого внезапного грохота. Но мой собеседник этого не заметил. Потому что он просто упал на колени и схватив меня за руки, стал говорить, глядя мне прямо в глаза:

— Инга! Инга Я с тобой! Я тоже хочу отомстить! Я их голыми руками рвать буду...

— Дядя Натан! Ты чего? Вставай! — мне стало не по себе.

Что я творю? Что вообще сейчас произошло? Что это за на фиг мистика такая? Я толкаю речь о праведной мести и гневе божьем. И тут же с небес доносится в виде одобрения моих слов гром и молния! Или как говорят в таких случаях немцы: Donner wetter! Переводчики частенько переводят это как «Чёрт возьми!», но на само деле это переводится как «Грозовая погода» ну или буквально: «Гром и молния!».

Вот и сейчас гром и молния стали неплохим окончанием моего воодушевлённого монолога. Возможно, что вспышка молнии ещё и лицо моё осветило не хило так... Мне же не видно...

Не знаю, о чём подумал Натан Борисович, но он явно вдохновился. Судя по его глазам, умирать он явно передумал.

И что мне теперь с этим делать? Блин. Я старый циник. Я ведь сейчас думаю о том, как использовать этого несчастного человека в своих целях. Или нет? Может, я наоборот спасаю его от безысходности и дарю ему новую цель в жизни, а заодно ещё и желание жить... Но всё-таки, что же мне со всем этим делать? Конкретно... Здесь и сейчас.

— Натан Борисович! Встаньте! — мой голос становится более смелым, и в нём заиграли металлические нотки. Я кажется, знаю что делать. Теперь знаю. — Давайте поговорим.

Внутри меня всё кипело. Я ещё не отошёл от своей пламенной речи. Видимо адреналин у нас с Ингой на двоих. И горячность моего сознание, неплохо так разогрело внутренности нашего общего тела.

Неожиданно, даже для меня, вдруг «проснулась» моя вторая «Я» — Инга:

— Что ты творишь? Зачем ты так над ним издеваешься? Он же несчастный, больной человек! А ты...

— Так надо, Инга! Я хочу его спасти.

— Да? А мне показалось, ты хочешь воспользоваться им. Попользоваться его квартирой и...

— И это тоже. Не отрицаю. Но в первую очередь — помощь нужна ему.

— Чем?... Чем ты можешь ему помочь?

— Знаешь... Иногда, когда человек впадает в истерику, то лучшая помощь ему — это оглушительная пощёчина.

— У него истерика?

— Да! Да, блин... Затянувшаяся истерика.

— ...

— У него были объективные причины для этого. Гибель близких, дорогих и любимых людей — это трагедия. И я его понимаю. Но... Он сломался... Он потерял свою цель в жизни... Он потерял смысл жить. И он не хочет жить...

— Но он болен. Это же рак...

— Не факт. Не обязательно рак. Из его слов я понял, что врачи только подозревают у него рак. А у него может просто сильная пневмония, на фоне ослабления организма. У него иммунитет подорван депрессией. Возможно он сильно простудился тогда... И потом, ты видела, что у него дома даже есть нечего. Ты знаешь, как он питался всё это время? От нерегулярного и некалорийного питания его организм сильно ослаблен. Ну и естественно все болезни мира... Вирусы, бактерии только и рады были напасть на его ослабленное тело. А он не борется с болезнями. Возможно даже не хочет бороться. Он не хочет жить... Но я его заставлю.

— Как?

— Я дам ему цель!

Мне удалось немного успокоить возбуждённого Натана. За окном продолжал бушевать дождь. Уже был вечер. День был достаточно суматошный и пора бы уже было на боковую. Хозяин квартиры постелил мне на единственном диване свежую постель. Нашёл чистое бельё где-то в забытых ранее и вот уже с полгода неразобранных вещах. Я даже не подумал, где будет спать сам Левин, как меня уже сморил сон. Засыпая, я слышал, как он слегка гремел на кухне. Мыл посуду...

Проснулся я утром от того, что солнце светило мне прямо в глаза через незашторенное окно. С занавесками Натан Борисович тоже не заморачивался.

Его нигде не было. Я посетил и санузел, и кухню... везде было ЧИСТО! Он что, всю ночь убирался? Ванная комната, конечно, не блестела, но была приведена в относительный порядок. И даже сама ванна была помыта. На кухне не было ни одной грязной тарелки или чашки. Всё аккуратно стояло на проволочной полочке-сушилке. Висело свежее кухонное полотенце. А где сам хозяин? Ванная, кухня, коридор, комната... Больше в однокомнатной квартире спрятать взрослого человека было негде. Куда он делся?

Стоп! А где моя сумка? Я её вчера повесил в ванной, когда мылся под душем. А после этого... Мы сидели на кухне, разговаривали... Потом? А потом я лёг спать... И где моя сумка?

А-а! Вот она! Стоит за диваном, ближе к окну...

Так-так... Сумка почему-то стала легче. Роюсь внутри... Отсутствует, лежащий на дне под одеждой сидор. А в нём... Ну а в нём было два Нагана с глушителями, и больше ста штук патронов для них. Оба на... Это что же такое происходит? Добрый дядя Наташа нашёл у девочки Инги оружие и побежал сдаваться в милицию? Вроде не похоже на него. Такой с виду порядочный интеллигентный еврей, да ещё к тому же и музыкант...

Вопрос разрешился буквально через полчаса. Натан Борисович вернулся с авоськой еды. Там было и молоко в треугольных пакетиках, и свежий хлеб. Но, не это было главное...

Он побрился. И даже с тёмными мешками под глазами казался более свежим. И одет он уже был не так как вчера. Неновые джинсы. Рубашка, хоть и не глаженная, но видно, что чистая. Наверное, лежала где-то в вещах, ещё с той, прежней жизни...

— Доброе утро! Выспалась?

— Да! Спасибо!

— Завтракать будешь?

Его голос был не таким как вчера. Сегодня этот человек не был похож на больного. Просто усталый невыспавшийся человек. Но при этом бодр, и как бы полон сил... Даже самому странно видеть такую резкую перемену в человеке.

— Буду...

— Правда, повар из меня никакой, но яичницу я сейчас сделаю.

— Я только «За»!

А действительно, ведь я яичницу в этой жизни вроде бы даже и не ел. В интернате давали пару раз омлет. Но это был порошок омлет стандартного образца для детских заведений. Я такой в прошлой жизни в детском саду ел. А вот яичницу... Не припомню.

— Натан Борисович...

— Инга! А зови меня так, как ты в детстве называла...

— Дядя Наташа?

— Ну, да. Когда ты вчера меня один раз так назвала. В душе просто потеплело... Эх, вернуть бы те времена.

— Увы! — возвращаю его на грешную землю... — Время не вернуть назад.

— Да! Ты права. — он снова взгрустнул.

Видимо я что-то не то сказал.

— Только давайте я так буду не при посторонних называть... Ладно?

— Хорошо!

— И давайте я займусь завтраком! Я всё же женщина!

— Но я буду помогать.

— Главное не мешать женщине на кухне...

На старой, но видимо в эту ночь отдраенной чугунной сковороде, я сделал глазунью из четырёх яиц. Жарил на сливочном масле. И к яичнице нарезав хлеба, наделал бутербродов тоже с этим сливочным маслом. Получилось вкусно. Запивая чаем завтрак, я как бы вскользь спросил дядю Наташу:

— А Вы мои вещи...

Не успел закончить фразу.

— Ты про тот тяжёлый мешок с железяками? — он как бы равнодушно, но многозначительно посмотрел мне в глаза... — Я убрал подальше. Чтобы не валялись, где попало. Мало ли кто в гости зайдёт.

— ...

— Когда понадобится, я покажу, где всё лежит.

И мы продолжили пить чай.

Я с удивлением смотрел на нового Натана. Если бы я не знал этого человека, то мог бы подумать, что он принял наркотик. Ну, ещё бы... Блеск в глазах, излишне бодр и внешне спокоен. Ещё вчера он был похож на мокрого испуганного мышонка, а сегодня это уже — боевой хомячок.

Перемена в бывшем музыканте была разительная. Вчерашний и сегодняшний — это были два разных Натана.

Почему то пришёл на ум великий комбинатор Бендер из «Двенадцати стульев» и его бессмертные слова: «Я дам Вам парабеллум!». Сразу захотелось схохмить: Натан! Я дам Вам наган!

Но делать этого не стал. Потому что я хочу, чтобы этот человек искренне поверил в свои силы. А ещё я очень хотел бы, чтобы он стал моим союзником.

Вряд ли его моральная и физическая подготовка сделает его моим надёжным напарником, которому можно доверить прикрывать спину в бою. Не думаю, что из него получится настоящий боец. Слишком уж он... мягкий что ли. Слишком интеллигентный, какой-то. Хотя... Кто знает? Я тоже вот слишком... Слишком маленькая девочка.

Но если он станет мне помогать, то мы с ним сможем если не горы свернуть, то хотя бы приблизиться к горам, чтобы занять хорошую позицию, на удобной для нас высоте.

Я вёл разговор плавно, не перескакивая с одного на другое. Но при этом, старался подвести моего собеседника к мысли, что месть — дело благородное. А убить врага — это не грех, практически ни в какой из близких нам религий. Я так и не понял степень религиозности Натана Левина. Но, как говорится, в окопах атеистов не бывает. А мы с ним реально вступили на тропу войны.

Пытаясь выяснить, кто же из знакомых семьи Левиных причастен к наводке на их квартиру, я вдруг задал Натану неожиданный вопрос. Даже не могу объяснить, что меня на это подвигло, но почему-то вопрос прозвучал именно в нужном месте и в нужное время:

— Натан Борисович! А кто сейчас живёт в моей бывшей квартире?

На меня сперва уставились немного недопонимающие глаза. Видимо он не сразу понял меня. До этого он мне рассказывал про тех, у кого он интересовался подробностями эмиграции их родственников. Про тех у кого он спрашивал про порядок вывоза за границу денежных средств и ценностей... А тут вдруг про квартиру, которая никакого отношения не имеет к его делу... Вроде бы...

— Кажется семья... Ты должна была их знать... Когда твоя мама не смогла работать в номере отца... После этого вместе с твоим отцом работала другая гимнастка... Племянница того иллюзиониста, что... У неё ещё муж был униформистом... Раньше... Теперь он тоже на арене... Они заменили...

Многое стало вставать на свои места, занимая нужные ячейки в головоломке. Первым к кому обратился с вопросами Натан, был тот самый фокусник, у которого мой отец купил машину. Но ответов на вопросы желающего эмигрировать он не смог дать. И направил к своему родственнику, мужу племянницы. Тот особо интересного ничего не сказал и посоветовал ещё одного человека из околотеатральной тусовки. И только после этого Натан вышел на людей связанных как с уже эмигрировавшими. Так и с теми, которые ещё только хотят эмигрировать. После общения с этими людьми Левиным и заинтересовались сотрудники КГБ, делая ему неприкрытые намёки, чтобы он «передумал» покидать страну.

Но... О том, что Натан отказался с женой уезжать, видимо, не знали те, кто направлял музыканта в его поисках. Так что они могли и не знать, что дела у него не так хороши как раньше, да и финансовое положение в семье ухудшилось и пошатнулось.

Но самое интересное в этой истории то, что эта племянница фокусника и её муж — это именно те самые люди, которые теперь занимают квартиру погибшей семьи Котти. Именно та «тётя-гимнастка» посещала Ингу в больнице после аварии. И почему-то именно она и заняла с мужем и сыном освободившуюся квартиру. Сын теперь выступает вместе с ними. Подросток мальчик. Ровесник Инги или чуть постарше.

Возникает несколько скользких вопросов. Зачем приходила в больницу к Инге та женщина? Почему Ингу так внезапно поместили в интернат? Почему квартиру получили именно они?

Ну и напрашивается ещё один вопрос: А не случайно ли эти люди засветились среди возможных причастных к налёту на квартиру Левиных?

— Натан Борисович! А кто сейчас живёт в Вашей бывшей квартире?

— Я не знаю точно. Менялись с доплатой через квагтигно жучка. Эти люди действуют не совсем легально. Так что они не очень делятся именами тех...

— Ясно. А кто Вам порекомендовал этого риэлтора?

— Ну... Михаил...

— Тот самый?

— Что значит: Тот самый?

— То есть тот же самый человек, что посоветовал вам спрашивать про эмиграцию и который сейчас вместе со своей семьёй живет в моей бывшей квартире? Он же вам и риэлтора порекомендовал? Я так понимаю...

— Д-да... Какое совпадение...

— А если это не совпадение? Если это просто закономерность, что всё не очень законное проходит через эту семейку. Наверняка и моему отцу тоже он мог посоветовать приобрести машину недорого у хорошего человека. Я не знаю, насколько крепкие машины делают у нас в Советском союзе, но помню, что передняя половина машины отлетела сразу же после первого удара. Не сложилась, не смялась, а именно оторвалась. И, кстати, прошло всего несколько дней, как папа купил машину. И она заглохла, забуксовав на рельсах. То есть сначала стала буксовать. А потом заглохла и не заводилась...

— Ты хочешь сказать...

— Я никого не хочу голословно обвинять, но эта семья в каждой бочке — затычка. А это уже не совпадение и не случайность, а закономерность.

— Инга! Я когда с тобой общаюсь, то впечатление, что ты намного стагше меня. Почему?

— Откуда я знаю. Может потому, что слишком часто за последнее время стояла на грани...

Следующая неделя прошла во всяких хозяйственных заботах. Мы наводили порядок в квартире. Разбирали вещи. Травили тараканов. Это было самое сложное. Пришлось всё засыпать дустом. Все щели в плинтусах, под раковиной, под ванной... Хорошо ещё, что из мебели был только диван. Процедуру с дустом пришлось повторять снова, после разбора вещей. Но и с этим справились.

А я поменял окрас. Посетил парикмахерскую, где меня слегка подровняли, а потом покрасили смесью хны и басмы. Я теперь — тёмная шатенка. До брюнетки не дотягиваю...

В перерывах между хозяйственными делами, занимались детективной деятельностью. Учтывая, что меня особо в лицо никто не помнит, а ещё и смену окраса, я выступал в качестве сыщика. То в виде мальчика, то в образе девочки, я наблюдал за перемещениями нужной нам семьи. Натан знал адрес моей бывшей квартиры, там я и начал свою слежку. Оказалось, что у них в активе есть ещё один родственник — сотрудник милиции. Похоже, что это семейка — натуральная мафия. Кстати, сам фокусник не при делах. Он всего лишь родственник, двоюродный дядя их атаманши. Там реально рулила тётка. Похоже, что это именно она вместе с мужем участвовала в налёте на квартиру Левиных. Третьим участником налёта был их сын. Юноша семнадцати лет. Это именно его случайный знакомый спалился с драгоценностями. Ну а то, что он не сдал мальчика, то это потому, что в нужный момент семейный мент провёл с ним беседу в закрытом кабинете. Пообещал срок уменьшить, если он забудет своего знакомого. А на дело эта семейка выдвигалась в гриме. Внешность эти люди умели менять не хуже меня.

Хотя и моя девочка в школьном платье с портфелем и в очках — это был шедевр. Особенно выделялся ярко-алый пионерский галстук. Остальное уже не важно. Если бы кого спросили, то они бы вспомнили всего лишь школьницу в очках и галстук.

На следующий день я уже был мальчишкой в кепке. Ну, это не важно...

Я даже умудрился подняться на нужный этаж, когда вся семья злодеев отсутствовала. Инга подсказала, на какой этаж надо подняться. Она вспомнила свою бывшую квартиру. И, кстати, вуаля... Эти люди даже не стали менять ни входную дверь, ни замок. А что это значит? Пошарив за электросчётчиком, по её подсказке, я вытянул ключ от квартиры. Это была хитрая заначка отца Инги. Дело в том, замок на дверях не имел фиксатора, и дверь легко могла захлопнуться, если кто-то вышел, забыв ключи. Этим кто-то, часто бывала мама. Вынося мусор, она однажды забыла ключи дома. И до вечера ждала мужа с работы, на лестничной клетке с мусорным ведром. А где была Инга? В детском саду. И ключей тогда у неё ещё не водилось. Поэтому отец и придумал на всякий случай такую секретную нычку.

О времена! В деревянной двери один замок. А ключ спрятан не дальше метра от замка.

Помню, вот было дело в девяностых. Квартиру с пуленепробиваемой дверью ограбили. Три замка. Стальная броня. Ну и что? Подстерегли утром, когда дочка в школу выходила. Ну и вломились в квартиру. Всё вынесли. Всё что смогли унести. А потом связали всех, а дверь закрыли. И ключи унесли с собой.

Через пару часов хозяйка смогла развязаться. Из квартиры не выйти и не войти. Нет ключей. Открыла окно, и попросила прохожих вызвать милицию. Когда приехала следственно-оперативная группа, то им пришлось в квартиру на втором высоком этаже подниматься по приставной лестнице через окно. А дверь после этого, то ли вскрывали, то

ли вырезали дяди из МЧС.

В бывшей квартире Левиных поселились какие-то чужие люди. Их Натан не знал. Наверное, через своего риелтора продали левым пассажирам.

Осталось выбрать день для нашей операции.

Натан уже был мною морально подготовлен. Несмотря на свою трагедию, он был ещё не так готов сразу стрелять и резать. Это я прошёл через девяностые, через двухтысячные. Видел и войну в реале, и реальные разборки со стрельбой в центре Москвы. И даже видел, как из танков расстреливали дом правительства в 1993-м. Меня уже мало чем можно удивить...

Операцию планировал я. Всё рассчитал, руководствуясь их графиком. Я уже примерно знал, что возвращаются они вечером вдвоём. А сын приходит раньше. Приблизительно с 11–00 до 13–00 у них дома никого нет.

Три человека. Все сильные и спортивные. Цирковые гимнасты. В честной драке мне с ними не справиться. Натана я в расчёт не беру. Толку от него никакого, а в драке он будет лишь мешаться. Мне мешать.

Но я не собираюсь побеждать в честной битве. Я не собираюсь изображать честного и благородного самурая. И бледного рыцаря Айвенго тоже играть не буду. Моё нынешнее амплуа — ниндзя. Безжалостный и коварный.

Ведь нет никакой красоты в убийстве себе подобных. Это дело грязное и подлое. Убийство требует холодного расчёта, терпения выждать нужного момента и хладнокровие для нанесения смертельного удара. Люди что звери. Зверь не нападает без предупреждения. Надо сначала оскалить зубы, зарычать, залаять, чтобы попытаться погасить конфликт в зародыше. Раньше перед боем две армии стояли лицом друг к другу и выкрикивали брань в адрес противника. Может из-за этого, потом так и назвали поле битвы — поле брани. Даже те же бронированные рыцари сперва бросали вызов сопернику. Ну и не только бронированные. Мушкетёры там, или дуэлянты типа Пушкина и Лермонтова. Сперва оскорбляли своих визави. Ну а уж потом только получали. Кто шпагой под ребро, кто пулю в лоб. Мне так действовать нельзя.

Убийство чаще всего — это мгновенный удар. Без крика, без замаха, просто удар. Для победы не обязательно вести честную борьбу. Благородство в поединке годится лишь для рыцарских романов. Для победы в войне важна лишь военная хитрость, и немного удачи.

Можно прятаться в выгребной яме, поджидать врага в сортире, но выбрав нужный момент нанести один единственный смертельный удар и победить.

Самый сильный из троих — это муж. Бывший униформист, а ныне гимнаст. Самая опасная из семьи — жена. Хитрая и беспринципная. Молодого члена банды я в расчёт не беру. Хотя недооценивать противника нельзя. Но с ним я постараюсь справиться. По моим расчётам он придёт раньше, а значит мы с ним будем один на один.

Главное, всё рассчитать до мелочей. Давно известно, что дьявол таится в мелочах. В связи с этим, мелочей на войне не бывает. А мы на войне. И пусть кто-то скажет иное. Война не в том, что с одной и с другой стороны стоят огромные хорошо вооружённые армии. Война добра и зла не кончается никогда. Главное верить, что ты воюешь на стороне добра. А историю потом пишут победители. Кто победил, тот и решает потом на какой стороне он воевал. Обычно все победители выбирают светлую половину. И рассказывают после внукам, как они били полчища врагов, защищая доброе и светлое.

Но, что-то я отвлёкся...

Если вывести из строя самого молодого, а потом подстеречь в засаде остальных, то всё может получиться. Главное не забывать, что хороший враг — это мёртвый враг. И не расслабляться.

Мы с Натаном прибыли по нужному адресу примерно в одиннадцать дня в понедельник. Снова инструктирую его. Несмотря на то, что всё уже по много раз обговорено, продолжаю занудствовать и подробно проговаривать порядок действий при определённых отклонениях просчитанных мною заранее ситуаций.

В большинстве случаев, возникающих внезапно и нарушающих заранее продуманный план, обычно выигрывает именно зануда. Это тот человек, который предпочитает сначала прочитать инструкцию, перед использованием чего бы то ни было. Человек, который раз за разом просчитывает ситуацию заранее, чтобы на всякое отклонение от задуманного, был определённый алгоритм действий. Ещё раз повторяясь, снова скажу, что дьявол скрывается в мелочах. И мелочей забытых сегодня быть не должно.

Вот и сейчас я снова и снова объясняю Натану Левину, что ему ни в коем случае нельзя сегодня проявлять самостоятельность. Всё по моему сигналу. Сигналы все обговорены неоднократно. И сейчас он должен отойти на заранее выбранную позицию в сквер. Там, на лавочке он займёт наблюдательную позицию.

Я специально выбрал этот сквер. Из него отлично просматривается подход к дому сразу с двух возможных направлений.

После того, как младший член банды заходит в свой подъезд, Натан Борисович должен переместиться на другую сторону и наблюдать за балконом. И лишь только после того, как я появлюсь на балконе и махну ему рукой, он может подняться наверх и зайти в квартиру. Если выйдя на балкон, я не увижу его внизу, то повешу на верёвку что-то из белья. Так как сейчас там ничего совсем не висит, то это сразу же будет заметно.

А во время второй части акции, он снова занимает позицию с газетой в сквере на лавочке. Ну а после появления парочки, снова ждёт моего сигнала под балконом. Но на этот раз, я либо махну ему, либо сниму с верёвки предыдущий сигнал, если его не увижу. И только тогда он снова может подняться в квартиру, чтобы мы смогли продолжить свои дела.

Оставив своего напарника внизу, спокойно поднимаюсь по лестнице. Сегодня на мне наряд под мальчика. Кеды, широкие штаны, короткая куртка и кепка. Резиновые перчатки за пазухой. Вторая пара таких же перчаток во внутреннем кармане куртки. На всякий случай. Случаи разные бывают. Для таких же вот случайных случаев у меня с собой несколько кусков крепкой верёвки. Каждый кусок примерно метра полтора. А больше и не надо, чтобы связать человека. Руки, ноги, ну и так далее...

Один наган у меня за поясом сзади. Второй в правом боковом кармане куртки. Глушители отдельно. Потом приверну на месте. С прикрученными глушителями таскать с собой оружие не так удобно.

Всё время, поднимаясь по лестнице, я прислушивался к звукам в подъезде. Пока всё тихо. Время такое, слишком дневное. Те, кто должен был уйти, уже ушёл, а те, кто вернутся из школы или с работы — ещё не вернулись. Ну а я, пока иду по лестнице, надеваю на руки резиновые перчатки. Не следует оставлять где попало свои отпечатки пальцев.

Поднявшись на нужный этаж, спокойно открываю дверь своим ключом, и войдя в квартиру, захлопываю дверь за собой.

Ещё есть дорога назад. Можно выйти и уйти. Уйти из этой квартиры, которая когда-то принадлежала семье Инги. Уйти от человека по имени Анатолий Борисович Левин. Ну, или

Натан, как называла его погибшая жена. Или дядя Наташа, как в детстве называла его Инга.

Но я пожалуй не смогу этого сделать. Уйти — это значит предать. Предать Ингу, предать Натана, предать память о погибших людях. Да в конце концов, попросту предать себя. А это я сделать не могу. Стоит сейчас дать слабину, и потом всю остальную жизнь можно сливать. Сливать как сливают в унитаз отходы жизнедеятельности.

Нет. Ни шагу назад!

Если не я, то кто сможет остановить этих людей?

Милиция?

Не смешите мои тапочки. У них там есть свой оборотень в капитанских погонах. И сегодня я смогу узнать не только его имя, но и как к нему подобраться.

Глава 8

В квартире тихо. Быстро осматриваюсь. Кухня. Санузел отдельный. Ванна большая. Туалет отдельно. Большая комната. Здесь скорее всего комната родителей.

— Да! Здесь и раньше была комната родителей. Моих родителей. — внезапно «проснулась» Инга внутри нашего общего тела.

— Привет, моя девочка!

— И мебель почти вся наша... — не отвечая мне продолжала Инга.

— А другая комната?

— Другая была моей... Но, теперь нет. Всё изменилось.

И действительно. Если комната родителей выглядела какой-то уютной, консервативной, то комната молодого парня напоминала более современную версию. Мебель более современная. Магнитофон и проигрыватель. На стенах картинки из журналов с артистками и певичками. Книг почти нет. Учебники. Журналы. На письменном столе бардак из тетрадей и всяких разных бумаг.

Время ещё есть. Как минимум час до того как придёт «сын». А может и больше часа, если он задержится где...

— Инга! Ты со мной?

— Нет. Я не хочу тебе мешать. Просто оказавшись здесь, я наконец поняла, что моего дома больше нет. Это уже не мой дом. Если найдётся что-то из моих вещей... или папы с мамой... я тебе подскажу.

— А был у родителей какой-нибудь тайник?

— Да. В коридоре маленькая дверь — это кладовка. На верхней полке справа, что-то типа антресолей. Задняя стенка фальшивая. Выглядит как просто стенка. Но там фанерка оклеена обоями. Внизу гвоздик. Если за него потянуть, то фанерка откроется.

— Сейчас посмотрим.

Беру табурет на кухне, захожу в кладовку, залезаю на верхнюю полку. Всякий хлам. Пустые банки, какая-то коробочка. Снимаю всё вниз. Банки на соседние полки размещаю, коробку просто ставлю на пол.

Всё точно. Внизу в фанерке торчит, но не гвоздик, шурупчик. Инга могла и не знать такой разницы между ними. Тяну за шляпку. Фанерка легко поддается. Снимаю в сторону. Что-то есть. Вынимаю завернутый в газету свёрток, а потом и ещё один. Пошарил рукой. Больше там ничего нет. Ниша неглубокая. Всего сантиметров пять в глубину, не больше. Что туда можно спрятать?

Газеты были слегка пожелтевшие. Видно давно здесь лежат. Посмотрел одну: Декабрь 1963 года, а другая? Тоже декабрь, тоже шестьдесят третьего, но число другое, пораньше.

В одном свёртке были деньги. Быстро пересчитываю. Тысяча сто рублей. Купюры от десяти до ста. А в другом свёртке пачка облигаций. Разных. Считать не стал. Я в них не понимаю. После у Натана поинтересуюсь. Видимо это осталось ещё от родителей Инги, судя по дате на газетах. Значит не нашли записку нового хозяева квартиры.

Ставлю на место банки. Задеваю коробку ногой. Её тоже надо на место. Только сначала посмотрю, что в ней. Какие-то коробочки. Вот и с дустом, знакомая упаковка. Недавно точно такой же порошок использовали для борьбы с тараканами. Ещё коробочка с каким-то непонятным порошком... А это что такое? Маленький газетный свёрток. тяжёленький.

Внутри мешочек из мешковины, размером с кисет для табака. А в нём три аккуратные колбаски в вощёной бумаге. Даже разворачивать не стал. Я уже видел такие колбаски. Так обычно хранили царские червонцы те, у кого они были. Попадались мне в прошлой жизни. Убрал в карман, а коробку на место. Не важно чьё это? Может снова наследство семьи Котти. А может и новые хозяева. Хотя вряд ли. У новых я ещё даже в комнате не смотрел.

Табуретку на место. На кухню. Обыскивать кухню и другие комнаты пока рано. Но в холодильник заглянул... Не знаю почему, даже не спрашивайте. Бутылка водки. Неожиданно приходит в голову интересная мысль. Забираю водку из холодильника. Прихватываю с кухни кружку. Времени мало. Скоро должен явиться первый фигурант.

Ждать да догонять — хуже нет. Уже нашёл вполне объёмную приличную сумку. Уже положил в неё деньги и облигации, да добавил мешочек с золотыми монетами. Пока там ещё осталось много свободного места. Но ещё не вечер. Я уже сделал всё, что хотел. На всякий случай забежал в туалет, чтобы потом не приспичило в самый неподходящий момент. И даже набрал простой воды в кружку. От жажды не умру в ожидании. Не успею.

Навернув глушители на оба револьвера, я расположился в самой дальней комнате. Именно там, куда зайдёт первый гость. Да. Теперь я тут хозяин, а приходят будут незваные гости. Но сначала я жду только одного. Иначе весь план летит насмарку.

Место себе выбрал сразу за дверью. Так как дверь в комнату открывалась внутрь, то распахнутая дверь меня неплохо прикроет. А чтобы меня случайно дверью не пришибло, когда молодой парнишка к себе будет ломиться, я за дверь пристроил стульчик. Старый такой, венский. Проверил. Не скрипит. Постелил на него какую-то одежду и сел в ожидании. Да... Ждать да догонять... Надеюсь, что сегодня догонять никого не придётся.

Прошло уже больше получаса. Вода уже в кружке закончилась. Чтобы не пустовала, распечатал бутылку водки, налил полную кружку.

Нет. Всё-таки в этих резиновых перчатках работать не очень-то удобно. Они не так плотно облегают руку, как латексные или нитриловые. Нитриловые даже лучше. Покрепче латексных. А в этих хорошо с проводами работать. Током не ударит. Но резина плотно не облегает пальцы. С мелкими деталями возиться неудобно. Вот и пробку на водке еле открыл. Никак пальцы язычок не могли подцепить. Но справился. Пожалуй, перчатки я пока сниму. Лучше буду стараться ничего не трогать и запоминать то, что трогал. Потом протру. А если понадобится более тщательная работа с предметами при обыске квартиры, то я же всегда смогу их обратно надеть.

Стараюсь не смотреть на часы очень часто. Это нервирует меня самого больше, чем само ожидание. Но прошло ещё полчаса...

Звук ключа в замке входной двери. В пустой квартире все звуки громкие, а этот прозвучал вообще как набат. Особенно для меня сейчас.

Сердце стучит сильнее.

Стараюсь не дышать даже.

Напрягся. Но зря... Слышны звуки с кухни. Хлопнула дверца холодильника. Вот невоспитанный мальчик. А руки сначала помыть, прежде чем в холодильник залезать? Чему тебя мама учила?

Ясно чему: Грабить и убивать. А может ещё чему плохому. Это мы скоро узнаем, чему тебя учили.

Мне почему-то стало легче и спокойнее. Я абсолютно перестал нервничать. Я даже положил револьвер на пол, чтобы руки были свободнее. Сейчас я не боялся ничего.

Шаги в коридоре. Всё ближе... в комнату заходит молодой человек. Ростом примерно на голову выше меня нынешнего. В плечах, так и вообще шире, чем я предполагал. Крепкий юноша, однако...

Встаю со стула. Производя при этом небольшой шум. Но меня услышали. Недоумённый взгляд обернувшегося ко мне. Удивлённый настолько, что глаза моего оппонента открылись широко-широко, как у девочек в аниме. Он открыл рот, но не успел ничего произнести вслух. Ни вопроса, который читался в его глазах, ни возгласа удивления. Потому, что я выплеснул ему прямо в лицо, прямо в широко открытые глаза, прямо в распахнутый рот, полную кружку водки. Его руки закрыли лицо. Но я не дал ему скучать. Удар в пах. Я хорошо прицелился и хорошо попал. Руки несчастного опустились на новую точку боли. Он упал на колени, согнулся. Ну, а я, подхватив револьвер с пола прямо за глушитель, влепил ему с размаху в район виска рукояткой. В висок не попал, попал в ухо. Но второй удар сверху вниз в основание черепа вырубил его окончательно.

Револьвер в сторону. Вяжу ему руки за спиной. Связываю ноги. Ноги подтягиваю к рукам. В рот кляп. Завязал ему глаза обрывком полотенца. Готово.

Надеваю резиновые перчатки. Протираю валяющейся на стуле одеждой бутылку, кружку, даже стул. Всё к чему прикасался или мог прикоснуться случайно. Лучше это сделать сейчас, пока не забыл.

Хватаю первую попавшуюся под руки тряпку. Открываю дверь на балкон. Вижу внизу Натана. Но всё равно, как и договаривались, вешаю одежду на верёвку «сушиться». Закрыв балконную дверь, подхожу ко входной. Прислушиваюсь. Наконец послышались шаги. Лёгкий стук в дверь. Отмыкаю замок. Запускаю напарника. Снова закрываю дверь. Вручаю ему второй комплект резиновых перчаток.

Вот теперь разрешаю себе посмотреть на часы. Половина второго. До вечера ещё долго...

Допрос молодого участника банды не занял много времени. Раскололся он сразу. И поплыл как дерьмо в горном ручье. Быстро-быстро. Его даже пугать особо не надо было. Я ему всего лишь один раз воткнул ножницы в ногу. Ну и пошевелил чуть-чуть. Не любит мальчик боли. Слабые нервы. Он рассказал всё что знал. А знал он немало интересного...

Его стали брать на дело не так давно. Всего лишь с пару лет назад. До этого ходили без него. А квартира Левиных — это было его первое дело в составе семейной банды. Именно его оставили в коридоре квартиры. И это именно он прозевал приход Маши, и напал на неё с ножом. Сказал, что не хотел убивать, но с испугу всё бил и бил ножом.

Я еле сдержал Натана. Глаза еврейского музыканта сверкали такой яростью, что казалось светились изнутри.

Учитывая, что у нашего пленника глаза были завязаны, он не видел, кому он всё это рассказывал. Меня он мог разглядеть, если успел, когда я ему в глаза водку выплеснул. А приход Натана для него вообще прошёл незаметным.

Рассказал он и про другие дела. Квартир было несколько только в этом году. В основном это были еврейские семьи, собирающиеся уехать из СССР. Наводчиком был капитан милиции. Родственник его отца. То ли дядя двоюродный, то ли брат троюродный. Седьмая вода на киселе, короче говоря... Но обладая возможностью собирать информацию о небедных людях, да и к тому же в основном тех, кто наживал деньги не совсем честно по правилам Советского союза... Ценный наводчик. А заодно он иногда и прикрывал свою ручную банду, если те в чём-то прокалывались.

Адрес капитана он знал. И даже больше. Все деньги и ценности, основная их часть, хранились именно там, в квартире. Кто же будет искать похищенное у каких-то евреев в квартире целого капитана милиции. Ещё не настали те времена, когда оборотни в погонах стали массовым явлением, и офицерские погоны перестали быть прикрытием.

Надо же. Какая удача. Этот юноша даже знал где именно хранится наворованное. Большой чемодан под кроватью.

Вот, блин. О, времена! О, нравы... Страна непуганых идиотов. Даже в аэропортах до сих пор нет металлодетекторов. Можно обвешаться оружием и смело топтать захватывать самолёт.

Да. Надо бы не забыть... 15 октября и 27 октября... Но это потом. Всё потом.

Смышлёный юноша подкинул мне ещё один «рояль в кустах». Ключи. Ключи от квартиры лже-капитана. Запасной комплект «на всякий случай» хранился здесь, в этой квартире. В комнате родителей. В одном из ящиков шкафа. Я быстро нашёл эти ключи.

Капитан был в разводе и жил один. Был очень мнителен и к себе домой никого не водил никогда. Семейная банда тоже не часто там бывала. А вот молодого парня периодически использовали в качестве посыльного.

Ещё юноша рассказал все места, где лежат деньги в этой квартире. Разумеется, что до масштабов капитанского чемодана они не дотягивают. Но всё же. Быстро пройдясь по названным точкам и нычкам, я выпотрошил все семейные ценности и сложил всё в ту же сумку. Так же я изъясил ножи и другие опасные предметы. Видимо весь арсенал банды. Огнестрела не было, только холодняк. Но какой... Были охотничьи ножи, а были и более мелкие, но не менее смертоносные. Мне понравились два тонких стилета. Парное изделие. В

чехлах. Узкие и тонкие. По типу мизеркордия, которые использовались в средние века, для добивания закованных в броню рыцарей, не снимая с них доспехов. Дубинки и кастеты, я даже рассматривать не стал. Всё пошло в ту самую сумку, которую я приспособил под сбор трофеев.

Пленный мне больше не нужен. Я снова заткнул ему рот тряпкой.

На этом можно и заканчивать здесь. Я узнал всё, что хотел. Хотя про машину, на которой разбились родители Инги пока не было сказано ничего... Но я решил, что хорошего понемногу. Один раз удалось тихо и почти бескровно захватить языка и допросить его. Хватит на сегодня. Ну не верю я, что будет везти всегда. Так не бывает. Фортуна — девка коварная и капризная. Может и задом повернуться. А оно нам надо?

— Ну, что? — не называя имени, спросил я своего напарника. — Ты готов?

Натан кивнул мне, не сводя горящих глаз со связанного юноши.

— Он — твой! Только не испачкайся в крови.

Я вручил ему один из охотничьих ножей. Выбрал самый неказистый из всех. Сразу было видно, что работа кустарная, в самом плохом смысле. Железо — дрянь, рукоятка такая же. Похоже, что сделал криворукий ПТУшник.

— Давай!

Музыкант покрутил нож в правой руке, как бы приноравливаясь к нему. Потом решительно зашёл к связанному со спины, схватил его левой рукой за волосы и потянул на себя. Ну а потом методично стал «пилить» ему горло. Другого термина я бы не подобрал. Так режут хлеб в деревнях, отхватывая толстую краюху. Вот так он и резал. Долго и неумело. Тело под ним дёргалось и хрипело. Связанные ноги сучили по полу. Как бы соседи не заинтересовались шумом. Но вот всё затихло. Почти совсем отрезанная голова завалена на бок. Из широко открытого разреза толчками на пол выливалась кровь. Лужа становилась всю больше. Не запачкаться бы.

— Ты закончил?

Мне в ответ всего лишь кивнули. Судя по глазам Натану было нехорошо.

— Только не блевать здесь! Ясно?

Он снова кивнул. Мы с ним вышли из комнаты. Я его внимательно осмотрел в поисках следов крови. Есть немного. На правом рукаве. Но почти не видно. Тёмное на тёмном. Так слегка, брызги. Но — улика.

— Смотри! Видишь! — я указал ему на пятна.

— Сейчас завою.

— Не надо. Не слишком заметно. Снимай перчатки! Давай их сюда! Вот сумка, бери! Сейчас я тебя выпущу из квартиры. Едешь сначала в район Трёх вокзалов. Там возьмёшь такси и доедешь до Павелецкого или до Рижского. Не важно. Куда захочется. Расплатишься по счётчику, на чай таксисту дай, но чуть-чуть. Таксисты хорошо запоминают слишком скупых и слишком щедрых. Обычный пассажир для них проходит фоном. В такси ничего особо не трогай...

— У меня с собой есть кожаные пегчатки.

— Хорошо! Потом сядешь на метро, сделаешь пару лишних пересадок. Едешь домой и ждёшь меня там.

— А ты?

— Я закончу здесь.

— Спгавишься сама без меня?

— Я постараюсь. Главное ты по дороге не нервничай. Всё как обычно. Ты с работы едешь. Устал. Сумка не тяжёлая?

— Ногмально.

— Вот и носи её так, как будто она в два раза легче. Постарайся вести себя естественно. Иди!

Закрыв за ним дверь, а напился воды на кухне, а то в горле пересохло.

Время на часах — почти четыре. У меня есть в запасе от двух до трёх часов.

— А я помню Машу. Хорошая была девочка. Мы с ней играли.

— Инга! Я бы хотел спросить у тебя...

— Спрашивай!

— Как ты относишься к тому, что дядя Наташа сделал с этим парнем?

— Никак. Всё правильно сделал. Тот подонок убил его дочь. Я помню, как он рассказывал, что с ней сделали. Бил ножом в шею, в лицо, выколол глаз. Как она мучилась бедненькая. Она же была потом ещё жива, когда врачи приехали. Я бы его тоже убила.

— Какая ты кровожадная!

— Издеваешься?

— Нет. Просто боюсь, что ты станешь такой же, как и я.

— Сильной? Смелой?

— Жестокой и чёрствой.

— Я не хочу.

— И я не хотел. Ты не поверишь. Я в детстве читал книги. Был толстым и добрым мальчиком... Чего ты смеёшься?

— Я представила. Вот я такая стройная и худенькая, а внутри меня толстый мальчик прячется.

— Ладно. Инга! Тебе не надо становится такой как я. Я думаю. Что в такие моменты тебе лучше просто прятаться. Как ты обычно делаешь...

— Я устала. Устала прятаться. Устала жить как во сне. Устала от твоего присутствия внутри меня.

— Но я не могу ничего с этим сделать.

— Ты стал главным. Сколько времени ты руководишь нашим общим телом? Да почти всё время. Редкие минуты, когда ты со мной просто болтаешь. А всё остальное время я сижу, как в кинотеатре. Но не в зале, а как бы в будке киномеханика. И кино я смотрю не из удобного кресла, а в маленькое узкое окошко.

— Инга! Я тебе не могу ничем помочь.

— А я и не прошу ничего. Просто мне порою неуютно. Иногда я очень мечтаю, чтобы ты ушёл навсегда. А порою сама хочу исчезнуть и больше никогда не появляться обратно.

— Потерпи маленько. Я почему-то думаю, что всё скоро изменится. Не спрашивай. Я сам ничего не знаю. Просто мне так порой кажется. Какая-то чуйка.

— Ты мне уже говорил, что это называется интуиция.

— Не совсем. Интуиция — это чуть-чуть другое. А чуйка — она не признаёт никаких законов природы. Она просто спит, где-то глубоко внутри...

— Как я?

— Примерно так. Но потом, вдруг, внезапно, ни с того ни с сего, ка-а-ак завопит: Тревога!

— Тссс! — я что-то слышу.

— Я тоже...

Заранее спрятавшись в маленькой кладовке, я стоял, держа оба револьвера наготове. Несмотря на то, что я готовился ликвидировать только лишь двух человек, два раза по семь патронов, явно не лишние.

Судя по ассортименту вещей хранящихся в кладовке, сразу сюда никто не полезет. Просто незачем. Тут им нечего делать, по крайней мере сразу. Дверь в «детскую» комнату я закрыл. Если они пойдут туда... Ну не знаю... Тоже сразу не должны, вроде бы...

У меня было время подумать. Вот приходят взрослые люди домой. Снимают обувь... Верхнюю одежду... Моют руки или посещают туалет... Или они сразу зовут сына, а может идут к нему в комнату? Вряд ли. Я погасил везде свет. А обувь и личные вещи юноши закинул к нему в комнату. Ну и дверь прикрыл, чтобы из коридора не бросалась в глаза лужа крови рядом с трупом.

Хлопает входная дверь. Счёт пошёл на секунды.

Я весь превратился в слух...

Я отчётливо слышу голоса. К тому же голоса людей, которые ругаются друг с другом. Голоса на повышенных тонах. Слов не разобрать. Но ругаются... Женщина и мужчина... А ещё один мужской голос... Что? Мужчин двое...

Голоса смещаются. Кажется, в сторону кухни... Да. Вот хлопнула дверь холодильника. Теперь ясно, кто научил мальчика, не помыв руки сразу на кухню... Как их глисты ещё не съели?

Я взвожу курки на обоих револьверах.

Мужской голос громко и отчётливо обращается ко всем присутствующим:

— А где водка?

Мгновенно понимая, что сейчас внимание всех присутствующих на кухне обращено к холодильнику, распахиваю дверь из кладовки и открываю огонь на поражение.

В армии учили многому. А потом в милиции переучивали. Я хорошо помню, как сдавал рукопашный бой при поступлении на службу опером. Приём по защите от удара ножом я провёл безукоризненно. Только мне сразу же сделали замечание, что отобрав у злодея нож, не надо сразу же перерезать ему горло. Вот и в армии учили стрелять так, чтобы поражать противника с первого, максимум со второго выстрела. А в милиции уповали на то, чтобы попасть в ногу, при этом не задев бедренную артерию.

Милицейские приёмы мне категорически здесь не годятся...

Стреляю не целясь по тушкам. Интуитивно наводя стволом в середину тела, в грудь. Благо расстояние — ближний бой. Как в окопе.

На кухне трое. Женщина и двое мужчин. Один из них в ментовской форме.

Выстрел в грудь, выстрел в голову. Раз за разом. Снова в тело. Снова в голову. Выстрелов не слышно. Криков тоже не слышу.

Что так сильно стучит? Это моё сердце... Из-за его стука я больше ничего не слышу. Пульсирует в ушах. Ужасный шум.

Подхожу ближе к упавшим телам и почти в упор делаю контроль. Каждому, в голову... Звон в ушах... Тишина...

Хорошо, что из револьверов при выстреле не выскакивает гильза по непредсказуемой траектории, как в Макарове или в ТТ. Иначе я бы задолбался собирать стреляные гильзы по

всей кухне среди валяющихся трупов.

На всякий случай откидываю барабаны наганов и проверяю наличие патронов.

Я не считал количество сделанных выстрелов. А зря... Мой косяк. Старею...

Правый револьвер пустой, а в левом осталось два патрона. наган без патронов кладу на пол, а с другим в правой руке проверяю свои «цели». Уже никто не дёргается, но я не верю своим глазам.

Человек — тварь живучая. Случаи бывали... Ладно. Не сейчас. Как-нибудь потом...

У женщины нет правого глаза, а левый остекленело смотрит бессмысленно в потолок. Кровь из уголка рта уже не течёт. На шее не бьётся жилка.

Мужчина в штатском лежит лицом вниз, а мент полусидя, привалился к кухонному окну.

Блин. Я идиот. Я стрелял в сторону окна. Одно попадание в стекло и шухера на весь квартал. Какой же я идиот. Бросаю взгляд на стёкла... Фу-ух. Целы. Обе створки и форточка. Всё цело. Это нереальное везение. На всякий случай стреляю в лоб менту. Тело дёргается и сползает по стене, оставляя за собой красную полосу. После этого стреляю в затылок штатскому. А вот он дёргается не так как труп, а как новый труп. Я так и знал... На всякий случай проверяю и его шею. Всё...

Положил второй разряженный наган рядом с первым. Теперь я безоружен. На кухне везде кровь. Топтаться в своей обуви — это не один залёт, это сразу два залёта. Первое — останутся мои отчётливые следы, а второе — на моих кедах останутся следы крови трёх разных людей. Возвращаюсь в прихожую. Развязываю кеды и примеряю туфли хозяйки. Просто сую в них ноги. Руками не трогаю. Перчатки я снял ещё в кладовке, чтобы не мешали. Туфли великоваты, но сойдут. Мне ненадолго.

Стараясь не потерять слетающие с ног туфли, возвращаюсь на кухню. На всякий случай снова всех проверил. Все — двухсотые. Отлично. Шмонаю карманы у мужчин. Деньги, бумажники, документы забираю. У мента извлекаю связку ключей. Связка солидная. Наверное ещё и ключи с работы... Тоже забираю.

Так... Больше здесь делать нечего. Вопросы задавать некому. Брать нечего... Стоп... Женская сумка на полочке в прихожей.

Достаю свои перчатки, снова надеваю. Обыскиваю сумку. Забираю деньги. И неожиданно нахожу маленький револьвер импортного производства. Я такой не видел. Брать не буду. Калибр мелкий. Где потом брать патроны? Решил похулиганить... Вложил в руку женщины на кухне. Так и оставил. Пусть потом следаки разбираются, что тут было и как...

Кстати, а почему у капитана не было оружия. Дёрнул труп за плечо, чуть повернул, но нет. Ни спереди, ни сзади, ни сбоку в кобуре. Видимо сдал на работе в оружейку. Ничего не боится. Без оружия ходит. А я вот почти голым себя чувствую с револьверами без патронов. Пора мне уже валить отсюда.

Найдя в комнате родителей старый портфель, складываю туда всё, что у меня есть. Два разряженных нагана. Документы и деньги, взятые с убитых. Немного денег мелкими купюрами сую в карман. Остальное потом разберу. Что с бою взято — то свято. Меня так учили.

Сбрасываю с ног чужие туфли. Надеваю свои кеды. Полотенцем берусь за ручку входной двери. Приоткрываю дверь. Прислушиваюсь. В подъезде тихо. Выхожу. Дверь за мной неслышно захлопывается, щелкает язычок замка. Спускаюсь по лестнице. Кепку надвинул на глаза поглубже. Но никого так и не встретил до выхода из подъезда. Немного забираю

вправо. Сворачиваю за угол. Иду в сторону соседнего дома. Снова сворачиваю. Обогнул дом. Вошёл в сквер и пошёл, гуляя не спеша...

Время позднее. Пора бы и до дому. До метро иду пешком, не торопясь. Я просто иду. Мне нельзя привлекать внимание. Документов нет, а в портфеле — два стреляных нагана. Свежие. Ещё порохом пахнут. Мне может и не заметно, но если нарвусь на бдительных стражей правопорядка, сразу учуют...

Не доходя до метро, вижу продуктовый магазин. Шарю по карманам. Вот она. Выручалочка. Авоська. Не зря засунул в карман куртки.

В магазине накупил всего, что было в продаже. Бутылку кефира. Треугольный пакет молока. Пару банок рыбных консервов. Конечно пища не особо совместимая друг с другом. Но зато какой натюрморт со стороны. Молодой человек с портфелем и авоськой в руке — человек невидимка для сотрудников в форме. Авоська сверху портфеля — отличная маскировка. Еду в метро. Никто на меня даже внимания не обращает.

По дороге много думаю. Обо всём и ни о чём сразу. Просто гоняю мысли по кругу.

Я до сих пор не могу понять, почему у меня всё идёт так странно. Случайная встреча с тётей Наташей на вокзале, а потом с дядей Наташей на Тишинском рынке. Да... Смешной каламбур получился. Тётя и дядя и оба Наташи.

Что меня толкает идти и ехать туда, где меня ждут неожиданные, но очень нужные мне встречи? Всё-таки что-то свыше меня подталкивает волшебным пенделем в нужную сторону. И дело не в дороге, которую я выбираю, а в том, что внутри меня заставляет выбирать именно эту дорогу.

Вот с такими псевдо философскими мыслями я незаметно и доехал до нужной станции.

Сделав пару лишних пересадок, уже минут через сорок выхожу на Новых Черёмушках.

К дому Натана иду «огородами», не по прямой. Ещё немного. Пару этажей... Звонок в дверь... Дверь распахивается сразу. Наверное, ждал стоя за ними.

— А спросить: Кто там? Не судьба, наверное? — наезжаю на хозяина квартиры, хотя вижу, что он очень рад снова меня видеть.

— Я тебя видел в окно. Вот и ждал у входа. — улыбается мне в ответ.

— Я так жрать хочу! Слона бы съела.

Разуваюсь в прихожей. Теперь в доме музыканта чисто, а у меня есть свои тапочки.

— Яичницу будешь?

— Лучше омлет. Вот молоко есть... — протягиваю ему авоську.

А сам иду в ванную комнаты и смываю с себя пыль и грязь сегодняшнего дня.

Спал я без задних ног, но умудрился проснуться рано утром. Солнце только начало заглядывать в окно сквозь плохо прикрытую шторку.

Натан ещё спал, но сразу же проснулся, как только я чуть загремел на кухне сковородой. Он был бодрым и я бы сказал оптимистично настроенным. Ну не верилось со стороны, что этот милый человек только вчера резал горло тупым кухонным ножом несовершеннолетнему юноше. Но, честно сказать, глядя в зеркало я тоже не видел терзаний совести по поводу вчерашних убиенных мною трёх негодяев.

Ключевое слово — трёх.

— Натан! — зову своего подельника.

Я с ним уже давно перешёл на «Ты». Как то само собой произошло. Я начал, а он не протестовал. К тому же он принял мою роль ведущего и не оспаривал моё «командирство».

— Натан! Их вчера было не двое, а трое.

— ...?

— С ними был ещё и тот капитан.

На меня смотрели неверящие глаза. Взрослый человек, без малого сорока лет от роду, смотрел и не верил. Он смотрел на девочку тринадцати лет и не понимал, как она одна справилась с тремя опытными и подготовленными злодеями. Справилась с тремя взрослыми людьми, один из которых являлся действующим капитаном милиции.

— Инга! Ты их всех...

— Да. У меня всё получилось. Еле патронов на всех хватило. Так что у нас с тобой сегодня с утра важное дело. Пока у него на службе не стали искать ценного сотрудника, надо навестить его квартиру. И чем раньше, тем лучше.

— Уже одеваюсь.

Я на ходу доедаю холодный омлет. Кусок его остался вчера на сковороде. Ничего. И так сойдёт. На всякий случай я беру с собой обе связки ключей. И ту, что вынули из ящика шкафа, и ту, что я нашёл в кармане самого мента. А заодно прошерстил бумажник капитана. Ого. Вот и паспорт его. С собой носит. Значит, не всегда и не везде ксива срабатывает. Есть ещё места, где и у человека в форме паспорт спрашивают.

Листаю паспорт. Вот прописка. Адрес совпадает с названным нам вчера первым пленником.

Отлично. Едем.

Я предложил Натану с собой взять какую-нибудь объёмную сумку, чтобы потом не таскаться с большим чемоданом. Сам я взял свой вещмешок, вытряхнув из него всё лишнее, положив лишь только пару отмытых резиновых перчаток.

Кстати...

— Натан. Рукав пальто вчера сильно испачкал?

— Немного.

— Давай посмотрим.

Было видно, что вчера по приезду он пытался застирать рукав, но всё равно пятнышки можно было рассмотреть невооружённым глазом.

— У тебя есть другое пальто.

— Да. Есть. Новое. Я его ещё не надевал.

— Неси. Меряй.

Новое пальто было ему как раз. За неделю проведённую вместе со мной. Он перестал выглядеть совсем доходягой. Хотя и не сильно, но слегка поправился. Уже был похож на человека. На нормального человека.

— Старое пальто придётся выбросить. Экспертиза легко обнаружит застиранные пятна крови на рукаве. А группа крови совпадёт с... Короче. Надо выбросить. А пиджак не испачкал?

Мы тщательно рассматривали рукав пиджака, но так и не нашли не пятнышка.

Я бросил старое пальто на пол, и встав на него обеими ногами сильно рванул рукав на себя. Рукав трещал нитками, но выдержал. Взяв с кухни нож, я справился и оторвал рукав. Пальто без рукава я свернул и связал куском шпагата. Потом задумался... снова развязал и обшарил все карманы. Выгреб пару забытых монеток, билет на автобус. Больше ничего в карманах не было. Снова завязал.

По дороге до метро бросили в один мусорный бак пальто, а в другой отдельно рукав. На метро сразу поехали по прямой до нужной станции. Надо было торопиться. Путать след будем после...

Болтая по дороге о всякой ерунде, я подумал, что надо было бы взять с собой и оружие, зарядив его по новой... Но потом пришёл к мысли, что и так сойдёт. Вроде бы нас никто там не ждёт.

Ох, уж этот русский «Авось». Сколько подвигов и глупых смертей на его счету. Самые нелепые поступки мы совершаем с этим волшебным словом на устах. Авось получится..

И что удивительно... Ведь получается порой. Но не всегда...

Как сказал мне однажды мой боевой товарищ: «Наш Бог счастлив.» Что это означало я ни тогда, ни сейчас до конца не понимал. Но странно. Работает эта непонятная фраза. Работает.

Всё прошло как нельзя лучше. Нормально в подъезд зашли. И не было на лавочке у подъезда вездесущих старушек. И не встретили в подъезде соседей. Тихо всё. Поднимаясь вверх, надели перчатки. Нормально в квартиру вошли. Тишина...

Свет зажигать не стали. На всякий случай, я первым делом забежал на кухню, и прихватив первый попавшийся нож, с ним в руке пробежался по всем комнатам. А комната была всего одна. Плюс совмещённый санузел. Плюс кухня. И всё. Балкона нет и кладовки нет. Антресолей нет.

После извлечения из-под кровати большого чемодана встал вопрос: А надо ли ещё что-то искать в квартире? Я решил, что надо. Но сначала проинспектируем чемодан.

Это не чемодан — это монстр. Такие в народе иногда называют «Мечта оккупанта» из-за большого его размера.

Закрывает на замочки, спрятанные в чемоданных запорах. Но сам замок смешной. Гвоздиком бы я открыл без проблем. Но зачем гвоздик, когда есть родной ключ на связке, изъятой у убиенного мною мента.

Картина маслом. Мечта кладоискателя. Ряды пачек советских денег. Деньги не в банковских упаковках, не новые, а просто перетянутые аптечными резинками. Тут тебе и сотни, и полусотенные. Есть и по двадцать пять и по десять. О, даже по пять несколько пачек. По рублю и по трёшке, пачек не было.

Не пересчитывая, перекладываем деньги в сумку. Сумка та же самая. Что мы вчера на той квартире приватизировали. А что? Удобная. Большая и объёмная. Кожаная. Типа кофра

или саквояжа.

Несколько пачек разномастных облигаций трёхпроцентного займа. Тоже отправляются в ту же сумку. Мешочки с золотыми монетами, а их с десяток, не меньше... Не монеток с десяток. А мешочков с ними.

А это мы удачно зашли. Что тут ещё? Снова мешочки. Но на ощупь не монеты... Золотые украшения. С камнями и без. Современные, неказистые и изысканные по древнее. Может и дореволюционные есть. Яиц Фаберже не обнаружилось. Ну и хорошо. Куда их сбывать в это время в Советском союзе я понятия не имею. Да и с этими связываться тоже неохота.

— Натан! Мы сможем продать украшения, не засветившись перед милицией.

— Не знаю.

— А сотрудники Андропова нами не интересуются.

— Кто?

— Как кто? Комитетчики? Андропов же у нас глава КГБ?

— Инга! Ты что-то путаешь. Югий Владимирович Ангопов умеет несколько лет назад. У него были больные почки. А после поездки в Китай в шестьдесят шестом он ещё чем-то заболел. Скончался уже... давно.

— Да. Я не знала. А кто руководит КГБ тогда?

— Малыгин Агдалион Николаевич.

— Как, как его зовут?

— Агдалион...

— Ясно Ардалион. Точно. Есть такое имя.

Сразу вспомнился фильм с Ириной Муравьёвой «Карнавал». Там как раз преподавателя звали Евдоксия Ардалионовна.

— А кто тогда замом у него? Цвигун?

— Да. Заместитель — Цвигун.

— Понятно...

А что мне стало вдруг ясно и понятно? Да то, что это на хрен совсем не мой мир. Почти такой же. Но не такой. Очень похожий, до мелочей. Но не до всех мелочей. Оказывается...

Надо будет посетить библиотеку, да полистать умные учебники. Может и ещё какие отклонения найдутся. Вдруг здесь не было, например Пифагора или Архимеда. Тут без стакана... То есть без информации не разберёшься. Но то, что этот мир не совсем мой... Ну или совсем не мой... Да хрен его разберёт. Не мой, и всё тут. Это мне уже стало ясно. Может и маньяков здесь нет из нашего мира. Может и Сливко не Сливко, и Чикатило не Чикатило. Блин...

— Ладно. Потом со всем разберёмся. Собираем всё, а дома решим, что с этим всем делать...

Что-то положили в сумку Натана, что-то в мой вещмешок. Я быстренько пробежался по квартире, но ничего нового для себя не нашёл. Стараясь не оставлять лишних следов. Мы наскоро закончили свои сборы и покинули квартиру. Надеюсь, что мы ушли так же незаметно, как и вошли. По крайней мере моя чуйка молчала. Покатавшись на метро, мы вернулись домой. Уже была вторая половина дня. Мы пообедали. Причём довольно плотно, даже с употреблением алкоголя. Каюсь, это была моя идея. Уж больно за эти дни накопилось всего на душе. Музыкант извлёк откуда-то плоскую бутылочку коньяка. Где он её прятал, не знаю. Вроде вместе с ним порядок в квартире наводили. Не заметил. Странно.

Натан разлил коньяк в две хрустальные стопочки. Примерно по грамм пятьдесят, не больше. Я поднял свою повыше и произнёс тост:

— Помянем наших близких и родных, так рано покинувших нас. Не чокаясь! До дна!

И мы выпили. Молча. После чего, так же молча ели суп, который я приготовил ещё позавчера. Ничего, вроде не прокис ещё в холодильнике. На второе были пельмени. Обычные, магазинные. А потом, после обеда так почему-то потянуло в сон. Что я ни слова не говоря удалился в комнату и выпал в осадок на диване. Как воздушный шарик из которого разом выпустили воздух.

Спал весь вечер, всю ночь и даже ещё немного. И лишь зов природы поднял меня, заставив бежать в туалет.

Натан сидел на кухне и копался со сломанной скрипкой. Дно у скрипки было отломано. А сверху была целая.

— Добгое утго!

— И тебе того же! Скрипку ломаешь.

— Да. Нет. Думаю, как починить...

— А может не надо...

Я метнулся в комнату, извлёк из портфеля оба нагана. Прямо с глушителями. Ну а на кухне пристроил оба револьвера внутрь корпуса скрипки. Положив всё это в скрипичный футляр, стал рассматривать более внимательно. Если особо не приглядываться, то сразу и не заметишь, как огнестрельное оружие прячется, прикрывшись музыкальным инструментом. А неплохо получилось...

— Натан! Отдашь мне эту скрипку с футляром для перевозки и переноски оружия?

— Мне не жалко. Я это купил для Маши. Она её даже и не видела... У неё была своя... Поменьше этой.

В глазах его снова появился блеск.

— Не надо грустить! Ты отомстил за своих.

— Не буду.

Помолчали. Он первым нарушил тишину.

— А что мы будем делать дальше?

— Сегодня? Чистим оружие. Считаем деньги. Разбираем драгоценности. Думаем, что с этим делать дальше. И отдыхаем. Согласен?

— Согласен.

И мы стали заниматься самой рутинной работой. Я стал разбирать и смазывать свои револьверы. Ну а Натан... Всё остальное.

Ещё один хороший день.

Денег оказалось довольно много. Конечно же по советским меркам. Сто восемьдесят пять тысяч только чисто деньгами. Облигациями ещё около ста тысяч. Больше трёхсот золотых монет. Среди них были как николаевские червонцы, так и разнокалиберные по пять рублей и даже по семь с половиной. А ещё были монеты периода Александра третьего плюс с десятков «сеятелей». Можно коллекцию открывать.

А вот с драгоценностями было туго. Их набралось достаточное количество, а вот сколько... Как подсчитать? Натан хоть и еврей, но отношения к золоту никогда не имел. И в ювелирном деле тоже не разобрался ни на грамм. Он вспомнил, что кто-то из родственников жены из Одессы, кто-то из двоюродных братьев, кажется, был женат на дочери ювелира.

А я тут же вспомнил, что в Одессу и сам собирался наведаться. Только вот не знал как. Теперь знаю. Но моя тема, связанная с Одессой, была далека от золотых украшений. В памяти вертелась тема эпидемии холеры 1970 года.

Совсем недавно... В моей прошлой жизни, конечно... Тему летней холеры усердно мусолили в интернете, снимали на эту тему сериал и т. д.

Я помню, что начало эпидемии было не в Одессе, а в Батуми. Ещё в середине июля там был выявлен первый заболевший, который умер. Очаг заражения в Батуми быстро ликвидировали. Всего заболевших было около двадцати человек.

Говорили, что болезнь привезли из жарких стран на торговых судах. Начали на арабов наезжать. А после...

А после было хуже. В конце июля холера уже унесла несколько жителей в Астрахани. Масштаб эпидемии прогрессировал. В Астраханской области от холеры скончалось около сорока человек. А всего было выявлено примерно полторы тысячи заболевших.

В августе зараза пришла в Одессу, Крым, Новороссийск. Заболевших выявляли и в других городах СССР. Даже в Москве и Ленинграде было от десяти до двадцати заболевших.

Но в Одессе... Курортный сезон. Август. Неконтролируемое количество отдыхающих в санаториях и диких туристов. Больше ста пятидесяти заболевших. Несколько больных не выжило.

Советское руководство ввело такие меры, которые в будущем ввести не удалось бы. Военные кордоны. Отлов людей пытающихся прорваться через оцепление. Хлорки столько вылили на улицы заражённых городов, что можно было бы ещё одно Чёрное море наполнить... Ну может не Чёрное, но Азовское точно... Меры были предприняты жёсткие... Но ведь справились. Погасили эпидемию, задушили в зародыше и спасли от смерти множество советских людей.

Когда холера пришла в Одессу я точно не помню. Кажется в начале августа. Поэтому надо бы помочь одесским родственникам Натана избежать заболевания.

Как я понял близких и дальних родственников в Одессе у Мириам Левиной там было... Не сосчитать... И у всех у них есть соседи и знакомые, а потом ещё и знакомые знакомых... Как бы не навести такую панику, лавину которой потом не остановить. Вот тогда мною точно заинтересуются люди в штатском... КГБ под чутким руководством Ардалиона Малыгина.

И вот, кстати, новая тема. Если в этом мире что-то уже немного не так, как в моём прошлом... Может быть поинтересоваться в чём ещё отличаются наши миры. Ведь есть где-

то тот перекрёсток, на котором история свернула не туда. А может наоборот. Это наш мир пошёл не туда, а этот...

В этом лабиринте можно блуждать бесконечно. Ведь перекрёстки поджидают на каждом шагу. И действия каждого отдельного человека создают свои новые разветвления и плодят новые варианты развития.

Бред. Голова от всех этих мыслей идёт кругом.

Револьверы и глушители я почистил. Снова зарядил по полной. Стреляные гильзы, собрал в бумажный кулёк. Выкину в помойку, по дороге к метро. Вряд ли кто будет копаться в мусоре так настойчиво, чтобы... снова достал гильзы и тщательно обтёр каждую от возможных отпечатков. А вдруг... Всякое бывает.

Потом разобрал наши оружейные трофеи. Охотничьи ножи в стиле «Рэмбо» отложил в сторону. Это для каких-то совсем супер маньяков. Да и не под мою ладонь рукоятки этих почти мечей. Эдакие гладиусы совкового периода.

Мне сразу же приглянулась та пара стилетов. Ещё тогда я мысленно их ощутил своими... Тут всё было прямо под меня. Длина лезвия, хватистая рукоять, вес, балансировка. На ножнах были боковые петли. Немного повозившись, я приделал к ножнам ремешки и закрепил на левом предплечье.

Почему-то раньше я думал, что предплечье — это перед плечом. А значит — часть руки от локтя и выше. Но один знакомый медик мне разъяснил, что выше локтя — плечевая кость. А предплечье это от локтя и ниже до кисти.

Ну так вот. И на правой и на левой руке у меня теперь под рукавом куртки прячутся мои стилеты. Держатся достаточно крепко и надёжно, чтобы не выпадать, но достаточно удобно, чтобы их легко извлекать.

Я даже потренировался слегка. Жаль нет зеркала. Хорошо бы как в балетном зале, во всю стену. Чтобы можно было со всех сторон наблюдать этот смертоносный танец. Ага... Три ха-ха. Танец с саблями.

Натан наблюдал за мной с восторгом и восхищением. А я бился с тенью. Резал и колот воображаемого противника.

Я убирал свои стилеты и снова извлекал их. Добиваясь скорости и сноровки в их извлечении из ножен.

— Готовишься к новому бою?

— Да, Натан!

— Кого будешь убивать?

— Злодеев.

— А где?

— Везде.

— Я могу узнать, кого?

— Конечно. Но сначала мне надо кое-что проверить.

— Я могу тебе помочь?

— Может быть. Но не сегодня и не завтра. Сегодня мы отдыхаем. А завтра я съезжу в одиночку. Мне надо посмотреть на одного человека.

— Он плохой?

— Нет, не беспокойся. Это хороший человек. Просто мне надо на него посмотреть. И всё.

— Зачем?

— Пожалуйста! Не задавай мне вопросов, на которые я пока не знаю ответов.

— А что потом?

Хотелось сказать: «Суп с котом». Но не хотелось обижать его.

— Я пока не знаю. Меня не будет почти весь день. А ты займись чем-нибудь полезным.

— Я бесполезен. Ты всё делаешь без меня.

— Ой! Только не надо посыпать голову пеплом. Без тебя мне будет гораздо сложнее. Я ведь ещё...

— Да-да. Ты уже говорила, что ты — маленькая девочка. Но мне кажется, что ты намного стагше меня. Я плакал в глубине души, когда казнил этого юношу. Он убил Машу. Я убил его. Но я не могу быть жестоким. Таким как ты.

— Дети часто бывают более жестокими, чем взрослые. Дети не понимают ценности жизни. И порою отнимая жизнь не ведают, что творят.

— Ой, только не надо тут мне заливать баки...

Почему-то в этот момент его акцент стал настолько по-одесски интересным, что я невольно улыбнулся.

— Чего смеёшься?

— Я улыбаюсь. Мне приятно, что ты дядя Наташ, так говоришь. Как в Одессе.

— Ты была в Одессе?

— Нет пока, но очень хочу побывать. Но это потом. А пока мне очень нужен завтрашний день для моего мероприятия, о котором я не могу тебе пока ничего конкретного сказать. Только одно скажу. Опасности для меня там нет никакой.

— Хоть этим ты меня успокоила.

А задумка у меня была такая. Съездить к себе домой. К себе тому из будущего. К тому мальчику. Которому сейчас всего шесть лет.

Да. Я хочу увидеть своих родителей, свою сестру. Ну и себя, маленького тоже...

Зачем?

Не могу сформулировать точно. Но мне почему-то это очень надо...

А сегодня надо пораньше лечь спать...

Утром мне был выдан запасной ключ от квартиры, чтобы я мог самостоятельно вернуться даже в отсутствие хозяина.

По дороге к метро я высыпал стреляные гильзы из газетного кулька в ближайшую помойку. Контейнер стоял рядом с тротуаром, и был наполнен почти до середины. Я постарался высыпать гильзы так, чтобы они просыпались ниже. И не одной кучкой, а как бы в россыпь. Надеюсь, что мусор вывезут, а гильзы, если и найдут, то не скоро.

В киоске перед метро, я купил свежие газеты. Московскую правду и Комсомолку. Будет, что почитать по дороге. Не все станции метро были ещё построены. Чтобы добраться до нужного места пришлось сделать пару пересадок. В будущем я бы обошёлся одной. Но это не напрягало. Старые станции выглядели почти так же как и в будущем. Правда в будущем эти станции считаются практически памятниками архитектурного искусства.

Выйдя из метро Таганская радиальная. Я пошёл гулять по большому кругу, плавно огибая окрестности и постепенно приближаясь к своему дому. Зайдя наконец-то в свой двор, я занял наблюдательный пост на одной из лавочек. Во дворе было спокойно и тихо. Сегодня среда. Детей пока мало. Кто в школе, кто где. Лишь за забором детского сада были слышные детский смех и крики детей. Это были звуки радостных игр. Дети почему-то любят кричать погромче, когда играют. Такой шум поднимается. Возможно, что второй «Я» где-то там. Именно в этот садик я ходил в шестилетнем возрасте. Но наблюдать за детьми и пытаться узнать себя среди толпы таких же я не хотел. Слишком много внимания привлеку к себе, а смысла ниже нуля. Да я наверное уже и здесь намозолил глаза, какой-нибудь бдительной старушке. Хотя что такого. Сидит паренёк и читает Комсомольскую правду. Да... Второй час уже сидит. Надо переместиться в пространстве. Присел на лавочку у своего бывшего подъезда.

— А ты кого тут ждёшь?

Ну, вот вам и миссис Марпл таганского разлива. Не помню я эту старушку. Может уже и не было её в живых к тому времени, когда я стал не только здороваться со старушками во дворе, но и отличать одну старушку от другой. Ну не помню я такую и всё тут.

— Знакомого. Он кажется, в этом доме живёт, только вот квартиру я не знаю.

— А в каком подъезде?

— Кажется, в этом.

— Этаж какой?

— Кажется, третий.

— Что тебе всё кажется, кажется...

— Извините! Я просто не помню.

— Вежливый. Вроде не фулюган. В этом подъезде только два мальчика примерно твоего возраста. Или чуть моложе...

Я весь обратился в слух. А она продолжала.

— На втором — Сашка живёт ему лет десять... А на третьем — Димка. Он на год постарше и сестра его Людка, школу уже заканчивает. На четвёртом Вовка, но он маленький в первом классе учится. А больше и нет никого из мальчишек.

— Спасибо! Я наверное домом ошибся.

— Да. Тут все ошибаются. Четыре одинаковых дома подряд. Это кто ж такое придумал.

Вот раньше было...

Бабушку пробило на бабушкин разговор о том, что вот раньше было лучше, а теперь всё плохо. Скоро дойдёт до знакомой фразы: «Сталина на вас нет...». Но я уже вежливо попрощался и пошёл в соседний двор, чтобы потом незаметно покинуть свой бывший дом.

Потому что мне уже всё стало ясно.

Из истории своей семьи я помню следующее. В своей семье я был поздним ребёнком. Разница в возрасте с моей старшей сестрой была десять лет. Меня бы просто не было, но мой отец очень хотел сына. Когда за пять лет до моего рождения в 1959 году у моих родителей родился мальчик, порадоваться сыну отец не успел. Потому что младенец умер уже в роддоме, не прожив и дня. Родители уже успели дать ему имя. Дима. Дмитрий... Димка. Если бы он выжил тогда — меня бы не было. Моему отцу, когда родился я, было сорок лет, а маме тридцать шесть. Не самый лучший возраст рожать детей. Особенно для мамы. После моего рождения она много и тяжело болела. Но, что удивительно, дожила потом до девяноста лет. Отец умер, не дожив и до семидесяти...

И вот я узнаю, что в моём доме, на моём этаже живёт мальчик Димка, примерно одиннадцати лет, с сестрой учащейся выпускного класса средней школы. Всё сошлось и стало вполне закономерным. Если бы здесь в этом мире был я, то мой разум наверняка нашёл бы совпадение. И тогда бы я занял своё законное место в сознании себя самого только маленького. Но меня тут нет. Я тут даже не умер, а просто не родился. Наверное, моя бестелесная душа, найдя умирающую девочку всего лишь на расстоянии полукилометра от нужного места, заняла её тело, ибо другого подходящего рядом не было... А впрочем... Кто его знает. Может быть, моё вселение в Ингу было задумано изначально.

А мои родители? В этом мире они... Не мои родители...

Но почему? Почему я здесь? Теперь, когда я точно знаю, что в этом мире у меня нет никого. Никого из родственников.

Есть где-то родственники Инги. Наверняка есть. Просто я о них ещё не знаю. Есть родственники у Сашки Котовой, именем и документами которой я хочу воспользоваться. Есть родственники и у Натана. Если не у него самого, так у его погибшей жены.

И только у меня в этом мире никого нет и быть не может. Потому что в этом мире нет меня. Нет и не было никогда...

Но тогда почему я сюда переселился?

Зачем я здесь?

Теперь я уверен уже не на сто, а на все двести процентов, что этот мир совсем не мой.

Искать дальнейшие несовпадения с моим миром бесполезно. Надо только проверить мою информацию про известных мне маньяков. А вдруг и их тут нет? Сливко в молодости мог сорваться с горы, а Чикатило немцы пристрелили. Этот эпизод я хорошо запомнил. Он всё на суде говорил, что изменение в психике и любовь к кровопролитию у него возникла в годы войны, когда он увидел, как немцы расстреляли его ровесников у него на глазах. Я тогда ещё подумал, что лучше бы и его заодно...

С этими грустными мыслями я плёлся в сторону метро, размышляя о бесполезности своего нового существования.

Получается, что в этом мире я просто случайный пассажир. Мои знания об исторических событиях стремятся к нулю. Всё может случиться так же как и в моём мире, а может и не случиться. Всё надо проверять. Был бы я хотя бы технарём. Мог бы начать прогрессорствовать. Изобретать новые лайфхаки. Правда автомат Калашникова и

командирская башенка для тридцатьчетвёрки уже и так изобретена. А устройство супер-пупер синхрофазотрона или как его там... я не знаю. Попаданец-гуманитарий — существо абсолютно бесполезное. Особенно не в своём мире.

И если я вдруг исчезну. Просто исчезну и всё. Как исчезну? А так же как и попал в этот мир. Непредсказуемо. Там я сгорел в машине после аварии. А что должно случиться в этом мире, чтобы я перенёлся в другой мир? Чтобы Инга погибла? Я этого не хочу.

— Я тоже!

Голос Инги прозвучал внезапно. Я чуть не вздрогнул от неожиданности. Хотя чего вздрагивать, если в твоём теле звучат свои же собственные мысли. Ведь тело у нас одно. Но мыслить мы пока друг от друга раздельно.

— Пока? Ты думаешь, что мы сольёмся в одно целое?

— Да не знаю я ничего. Я сейчас так расстроен тем, что сегодня узнал... Я чуть-чуть в прострации. Ты же понимаешь, что меня нет?

— Ну, почему же. Для меня ты — есть!

— Спасибо! Ты единственная для кого я есть!

— И для Натана — ты есть. Ведь он общается только с тобой. Не со мной. Он думает, что со мной, а общается с тобой.

— Да. Пожалуй, ты права...

— А ещё есть тётя Наташа из Армавира. Ты для неё это всё, что у неё осталось из родных. У неё умерли родители, погибла сестра, погиб муж... Ты же помнишь, как она отнеслась к тому, что у неё теперь есть племянница? У неё тоже засветились глаза, и появился смысл в жизни.

— Но я же её обманул. А её реальную племянницу нашёл, но не смог уберечь...

— Помнишь, ты мне рассказывал сказку про Маленького принца? Там была такая фраза: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Ты приручил меня, и этих двоих. Что у Натана, что у Натальи Ивановны больше нет никого, кроме тебя. И ты их смысл жить. Если ты им укажешь путь, то они пойдут вместе с тобой.

— Получается какая-то религиозная секта. А я — гуру, слова которого безусловны к исполнению.

— Нет. Я до конца не понимаю смысл твоих слов. Мы не проходили в школе религиозные секты. Да и религия в нашей стране тоже под запретом вроде бы.

— Не совсем под запретом, но не поощряется сверху.

— Ну и ладно... Ты будешь продолжать свою охоту за убийцами и злодеями?

— Конечно, буду. Ведь у нас есть шанс, потому что никто не воспринимает нас всерьёз. Никакой взрослый маньяк не ожидает опасности от маленькой девочки, которая для него, скорее всего — жертва. И в этом наш бо-о-ольшой плюс, пока мы не повзрослеем. Так что надо торопиться. Торопиться творить добро.

— Ага. Твори добро — убивай маньяков!

— Точно так. А ты мне будешь помогать?

— Чем я могу помочь?

— А если бы могла, то помогла бы?

— Конечно. А куда я денусь с подводной лодки?...

— Это мои слова.

— Наши. Теперь всё наше. Слова, мысли, тело. Как тебе, кстати, моё тело?

— Спортивное, хорошо подготовленное для диверсионной работы.

— Дурак! Я не про это? Я — красивая?

Оу... Девочки — такие девочки. Не перестаю удивляться этому.

— А ты хочешь быть красивой?

— Да! Хочу! А ещё хочу быть знаменитой! Чтобы все-все мною восхищались...

— И на что ты готова ради этого?

— На всё!

— Ой, ли? Прямо, таки и на всё?

— Ну... Почти...

— Вот так и говори. Почти на всё. Никогда не говори тех слов и клятв, которые ты не сможешь потом выполнить.

— А я и не говорю. За меня всё время ты говоришь. А я только с тобой и общаюсь. Уж тебе-то я могу говорить всё, что думаю?

— Мне можешь говорить всё. Я тебя всегда пойму... Или постараюсь понять. А сейчас... Поехали домой! Я жрать хочу, как собака.

— Хы... Я тоже.

— Да. Наше тело хочет есть сразу за двоих. Главное, чтобы нас вдвое не разнесло. Я не хочу быть толстой девочкой. Я уже был в своём прошлом детстве толстым мальчиком.

— Я тоже не хочу быть толстой.

— Ну, тогда поедали обедать. А если хочешь, поедим пончиков с сахарной пудрой. Есть тут одно место недалеко...

— А вот хочу!

— Ты больше не будешь прятаться где-то там в глубине?

— Пока не буду.

— А почему у меня не получается спрятаться?

— Потому что ты большой и толстый... Хы...

— Я тебе пончик не куплю.

— Ну, Са-аш!

Вот как они так умеют. С самых ранних лет девочки владеют искусством флирта. Даже не задумываясь. Даже без смысла кого-то охмурять при этом. Это как у мальчиков инстинкт играть в войну и кого-то побеждать. А у девочек — желание понравиться.

— Хорошо. Договорились. Один пончик мне, другой тебе.

— А третий?

— А третий будем крошить воробушкам. Это так забавно кормить воробьёв пончиками. Я тебе покажу.

Домой мы вернулись уже когда было темно. Натан ждал на кухне. Несмотря на съеденные по дороге пончики, от ужина тоже никто не отказался. Ведь человек не только царь природы, но и раб своего желудка.

Спасть ложился сытым и довольным. Несмотря на отрицательный результат моей сегодняшней экскурсии в своё возможное прошлое, день прошёл спокойно. А это большая редкость в последнее время.

За ужином я не поднимал вопрос дальнейших планов, а Натан не задавал лишних вопросов. Цветные сны в эту ночь мне не снились.

Утро наступило вовремя. И только лишь после завтрака наступило время вопросов и ответов. Причём первый ход был за мной.

— Натан! Скажи мне честно! Ты умеешь водить машину?

— Совсем немного... Своей машины у меня никогда не было. И у папы с мамой тоже. Вот когда я учился на водителя...

— У тебя есть права?

Моё удивление было непередаваемым. На такую удачу я даже и не рассчитывал. Теперь, имея в запасе солидный наличный капитал, взятый у бандита в погонах, я планировал озаботиться покупкой любого неприметного транспортного средства, для удобства перемещения по стране. Ну а для управления машиной нужны права на вождение. Тут я планировал либо за взятку в ГАИ. Либо ещё как-то озаботиться получением Натаном водительского удостоверения. Хотя бы категории «В», для управлением легковушки. И вот такая удача. У Натана есть права! Откуда? Этот вопрос я ему и задал.

— Да. Есть... Жена... — тут он слегка запнулся, — Жена хотела, чтобы мы накопили на машину. Я ходил в ДОСААФ в 1967 году. Там в основном были допгизывники, но были и обычные гьяждане. Если на кугсы водителей посылает завод или автобаза, то им выдавали удостоверение с пометкой шофёг-пгофессионал. А у меня написано только «шофег тгетьего класса».

— А это что значит?

— Ну... Я могу водить легковую или гьзую машину. Но не имею пгава быть шофёгом по найму.

— Ясно. Категории «В» и «С».

— Что?

— Да, нет... А... Я слышал, что собираются вводить международные категории. И шофёр третьего класса — это будет категория «В» и «С».

— Не слышал...

— Не заморачивайся!

Натан поморщился. Я заметил, что не все мои сленговые слова адекватно им воспринимаются. Надо бы «фильтровать базар», как говаривали в девяностых. Сейчас я своего собеседника совсем оглушу неожиданностью.

— Нам надо срочно купить машину!

— Чего?

— Машину. Что-нибудь неприметное. Может старый «Москвич» или «Запорожец». У тебя из знакомых никто не продаёт, случайно?

— Я не знаю. Давно ни с кем не общался.

— А ты пообщайся. Только надо, чтобы ты снова выглядел так, как неделю назад. Измождённым, больным что ли... Ну и так далее. Поэтому начнём через пару дней. Ты пока не бреешься и... Я не знаю... Как сделать тебе грим?

— Я могу несколько дней поголодать.

— А ты не упадёшь от голода.

— За два дня? Нет. Я иногда забывал поесть и сидел у окна день... два... и ничего со мной не случилось.

— Ясно. А почему ты не спрашиваешь: Зачем машина?

— А зачем? — глубокомысленно отвечал мне музыкант, — Если важное что-то — ты объяснишь мне. Я если не важное, то и знать незачем.

— Я тебе всё подробно расскажу. Только имей в виду, это уже лично моё дело. И ты вправе отказаться в любой момент.

— Ты хочешь сказать, что мы — больше не вместе?

— Нет. Не так... Мне необходимо наказать...

Я замаялся. Мне надоело подбирать слова в разговоре с этим человеком. Практически единственным в этом мире, кому я могу доверять... Наверное... Блин... Как мне не хочется больше быть сильным. Хотя бы ненадолго, ну хоть час, хоть бы на полчаса. Больше не притворяться. Больше не врать. Не делать вид, что я знаю ответы на все вопросы, и знаю наперёд все вопросы, что мне могут задать... Надоело. Буду стараться говорить правду. Ну или почти всю правду...

— Натан! Я планирую убить несколько человек.

— Ну и что?

Ого, как его торкнуло. Ему уже пофиг, что я хочу замочить несколько человек? Ну, ни фи́га же себе заявочка...

— Тебя это совсем не волнует?

— Я знаю, что ты не будешь убивать невиновных. А виновные — заслуживают наказания!

— И ты мне веришь, что невиновные от моей руки не пострадают?

— Да!

— И если я скажу, что этот человек убийца и насильник, то ты поверишь мне и поможешь его убить?

— Да! Даже больше... Можешь мне ничего не объяснять. Если ты покажешь на человека и скажешь, что его надо убить... Я убью не сомневаясь.

— Натан! Ты мне настолько веришь?

— Как себе...

— Почему?

— Я убедился, что ты — Гнев Божий!

«Натан! Ты чё, с дуба рухнул?». Нет. Я так не говорю вслух. Просто очень громко думаю...

А вслух всего лишь нейтральное:

— Ты немного заблуждаешься.

Ну а дальше лекция часа на полтора. Про то, что бога нет я не говорил. Но всё же пытался убедить воспитанного в духе атеизма советского музыканта в том, что в моих действиях нет ничего мистического или религиозного. Рассказывал про то, что я только

пытаюсь восстановить равновесие в этом мире. Наказываю тех, кто творит зло... Но это всё мало помогало. В выразительных еврейских глазах глядящих на меня, светилась слепая вера в то, что мои слова лишь отговорки... А на само деле я — то ли мессия, пришедший судить злодеев, то ли воплощение Божьего гнева.

С одной стороны я его понимаю. Стоит перед ним девочка школьница лет тринадцати. Но он знает, что она свободно может избить взрослого негодяя, убить его голыми руками. А если в этих руках появляется оружие, то и несколько человек убить — не проблема.

Ну а тем более после того предгрозового моего спича... Когда я вещал, что-то про меч и отмщение, а моё лицо освещали всполохи молний. Я сам не рассчитывал тогда на такой эффект от моего выступления. Ну а когда по окончании моей речи грянул гром....

Теперь его не переубедить. Похоже он всерьёз поверил, что в Ингу вселился кто-то свыше...

Ну да... Вселился... Но только не свыше... Хотя хрен его знает эти все заморочки. Я-то явно не свыше, но всё это моё переселение — это откуда? Сниже? Смешно... Такого слова нет вроде бы даже. А слово «свыше» — есть. Тогда получается, что я переселенец или попаданец по воле кого-то свыше? Всевышнего что ли? Ой, богохульствую я что-то. Хотя мне, как агностику не впервой сомневаться в названии того, что свыше. Теперь, после моего перенесения в этот явно параллельный мир, я точно знаю, что что-то свыше есть наверняка. Может и прав тогда Натан про моё высшее предназначение?

Короче... Полтора час пустого разговора ни к чему не привели... В результате мы с ним остались оба при своём мнении.

Прошло несколько дней. Натан занимается поисками машины среди своих знакомых. Мотивирует свой интерес в приобретении транспортного средства тем, что хочет поехать в Одессу к родственникам погибшей жены. По-моему — версия немного надуманная и не совсем реальная. Но видимо знакомые Натана странности в его словах и поведении списывают на потрясение после гибели жены и дочери.

Заодно я выяснил, что он до сих пор числится музыкантом своего оркестра. А так, как он из-за временного заболевания не может исполнять свои обязанности, то его числят как бы в отпуске. Либо отпуск не оплачиваемый, либо кто-то там за него что получает. Я этого точно не знаю. Но главное, что мой напарник не значится тунеядцем. Я помню с этим в СССР было строго. Все должны работать.

Хотел сначала ему посоветовать оформить инвалидность из-за того, что он больше не может дуть в свою трубу. Но он за пару недель сумел слегка поправить своё здоровье так, что похоже инвалидность ему не грозит. Ладно. Потом придумаем что-нибудь. Чтобы к нему не было слишком уж пристального внимания со стороны надзирающих и карающих органов.

В прошедшую субботу в советском союзе произошло сильное землетрясение в Дагестане. Было два толчка. Первый днём- сказали, что примерно 6 баллов, а позднс вечером второй толчок. Более разрушительный. Кажется баллов девять не меньше. В газетах написали довольно скупо.

Надо бы телевизор купить. Новости смотреть. Вот купим машину и сразу поедem за телевизором. Только бы соседи не стуканули, что мол еврей без работы живёт не по средствам. Нам такой известности не надо.

«А теперь — Горбатый! Я сказал: Горбатый!»

Глеб Жеглов «Место встречи изменить нельзя»

Ну вот... Теперь у нас есть «Горбатый». А что такого. Это в будущем про Запорожец ЗАЗ-965А могли только анекдоты рассказывать, да обидные клички ему придумывать. Но вот нам с Натаном — в самый раз. Нас двоих катать мощности ему вполне хватит, несмотря на маломощный движок. Думаю, что до осени он протянет. А там у меня есть интересные задумки.

Не верите? Ну и зря. Я многое помню про это время. Не только про плохих дядек, типа Чикатилы. Ну вот например 20-го октября этого года состоится первый в СССР тираж лотереи «Спортлото 6 из 49-ти». Можете начинать смеяться. Я когда-то прочитал про это в интернете в будущем моём мире. Выигрышные числа мне почему-то запали в память. «17, 18, 23, 24, 30, 44». Даже странно, что почти половина цифр шла подряд друг за другом. 17 и 18, 23 и 24... Бывают же такие совпадения. Выигрыш за шесть отгаданных чисел — пять тысяч рублей. По нынешним временам сумма вполне достойная. И хотя у нас есть в загашнике гораздо больше, но легализовать преступно нажитое таким способом вполне возможно. Потом никто не будет особо проверять, сколько мы потратили на самом деле: Пять или десять тысяч? Если особо не шиковать, конечно. Можно, конечно и похулиганить. Купить побольше билетиков и вместо последнего числа «44», на других проставить «40, 41, 42, 45, 46 и т. д.». Для чего? Рассказываю для тех, кто не в теме. За пять выигрышных номеров полагается сумма поменьше. Но тоже примерно две тысячи. Но боюсь, что тогда кто-то может заинтересоваться таким вот везунчиком. Либо правоохранительные органы, либо криминальные элементы... Напрашивается вопрос: «А оно нам надо?». Ответ однозначный: «Нам этого и даром не надо!»

«Горбатого» бледно-голубого цвета продавал один из знакомых родственника коллеги по оркестру. Вот такая длинная родословная у нашего «Запорожца». При госцене на новый ЗАЗ-965А примерно в две тысячи рублей, Натан сторговался за пятилетнюю машину всего за три тысячи. По моему совету оформление в ГАИ делать не стали. Сходили к нотариусу, и бывший хозяин машины поставил свою подпись на бланке генеральной доверенности с правом управления и последующей перепродажи данного транспортного средства. Оформление за наш счёт хозяина вполне устроило. Он поставил только одно условие: Лет через несколько, когда ему подойдёт очередь на новую машину, Натан, должен будет оформить продажу через ГАИ от имени хозяина. Законы у нас в Союзе такие: Чтобы приобрести новую машину, сначала надо продать старую.

Мы, конечно же, пообещали. Я готов был пообещать всё, что угодно. Во-первых, очередь на машину (А человек стоял в очереди на «Волгу») можно ждать ещё лет пять. А за пять лет, как говаривал Ходжа Насреддин: Либо ишак сдохнет, либо падишах...

После получения всей суммы денег, нам отдали два комплекта ключей. И вот тут меня ждала засада... Из Натана водитель, как из меня академик... Когда он сел за руль и попытался тронуться, то сразу заглох. Я тогда подумал, что это случайно и с непривычки. Но когда он это сделал в третий раз... Я просто его подвинул, и сев за руль сразу плавно тронулся... Ну а дальше поехал в сторону нашего дома, строго соблюдая все правила. Москва не настолько изменилась, чтобы я в ней заблудился.

Приноровился к управлению я сразу же. А вот с комфортом не всё было нормально. По определению тупо отсутствовали боковые зеркала. Ну ладно правое. Оно на советских машинах не сразу появилось. Но и левого, водительского тоже не было. И это меня напрягало бы очень сильно, если бы... Если бы не катастрофически небольшое количество машин на дорогах. Автобусы, троллейбусы были. Трамваи, звякая по рельсам, тоже были. Несколько такси я встретил по пути. Пару грузовиков. И всё... Наслаждение.

Пришлось заехать по дороге в магазин, чтобы купить талоны на бензин. Да, да. Талоны на бензин продавались в магазинах и киосках союзпечати. Взяли сразу много, чтобы потом не искать.

Искать нам пришлось автозаправку. Это в будущем они почти на каждом шагу в городе, и через пять-десять километров по трассе. А в Советском союзе их днём с огнём пришлось искать. Надо будет на будущее озаботиться канистрами и прочими аксессуарами, необходимыми в дороге. Но не сегодня. Сегодня мы устроили праздник... Прокатились по Садовому кольцу. Но потом всё-таки добрались до дома.

Одна мысль сразу посетила меня при въезде во двор: Нужен гараж. Я ещё помнил, что щётки стеклоочистителя надо снимать. Некоторые ещё и аккумулятор снимали и домой забирали. Но это не могло застраховать от кражи колёс. Нужен гараж! И срочно.

— Натан! Надо срочно искать гараж!

— Я уже спгашивал. Тут есть недалеко гагажный коопегатив. Его недавно построили. Надо туда заехать и поинтегесоваться.

— Предлагай любую взятку. Деньги у нас есть. А сохранность транспорта — это главное.

— Я постараюсь.

Рассказав Анатолию Борисовичу Левину мой план на ближайшие пару недель, сам я стал готовиться к путешествию.

Затруднение вызывало лишь отсутствие у меня нормальных документов. Свидетельством о рождении Инги пользоваться нельзя. Инга пропала. Возможно её объявили в розыск. Или что ещё там объявляют, когда пропадает девочка из интерната.

А что насчёт документов Александры Котовой? Тоже не всё нормально. Хотя она пропала уже почти год назад. Если сначала могли и искать, то сейчас... Скорее всего где-то в милиции есть сводка-ориентировка на поиск пропавшей. При тщательной проверке смогут найти нужную бумажку...

Снова вручил Натан. Он мне показал свой паспорт. Я такого уже и не помню. Когда я был маленьким, у моего отца был такой, с грязно-зелёной обложкой. Но сам уже получал в восьмидесятых с красной обложкой и тремя фотографиями. Но то паспорт вроде бы введут лишь лет через пять. А пока вот — зелёный.

В паспорте у Натана стоял штамп о прописке, штамп о заключении брака и запись о его дочери: Левиной Марии Анатольевны, 17.01.1957 года рождения. Также у него сохранилось и её свидетельство о рождении. Когда жена и дочь погибли, он был так подавлен, что совсем не мог ничем помогать органам при оформлении документов. Всё сделали без него и за него. Так что свидетельство о рождении как бы было утеряно и по нему уже не удастся получить паспорт на имя Маши.

Так что до шестнадцати лет можно будет вместе с Натаном путешествовать. По документам вроде бы всё в порядке. Отец с дочкой. У него паспорт, а дочка имеет и свидетельство о рождении и заодно ещё и вписана к нему в паспорт.

Правда мне эта ситуация напоминает путешествие Гумберта Гумберта с Лолитой на машине по разным городам. Но это только с виду. Наши с Натаном отношения — это скорее всего отношения служебные. Я — командир, а он — ...

А кто он? Помощник, наверное, но точно подчинённый. Номер два, как минимум.

Готовились к поездке мы основательно. Мне пришлось перемерить много чего из вещей Маши и Миры. В результате мой гардероб значительно обновился. Теперь я могла быть и пионеркой и школьницей. Даже был один «концертный» костюм.

Я видел, что отцу, потерявшему свою дочь, было тяжело смотреть, как я примеряю Машины вещи. Я сразу в лоб ему сказал, что если ему не нравится... Но он меня сразу оборвал, и сказал, что просто очень грустит. А вещи? Если они пригодятся, то он только рад будет.

Сам он взял с собой пару костюмов, которые ему уже не были велики. Он снова набрал своё вес и облик. Теперь в нём уже не узнать того, усталого больного человека, которым он был до встречи со мной.

Для пальто уже был не сезон. Лето не за горами. Но он всё-таки взял с собой плащ. Шляпу он купил новую.

Я снарядил скрипичный футляр со сломанной скрипкой двумя револьверами. Если не особо тормозить, то даже не заметно. Но скрипку лучше не вынимать... Запасные патроны были надёжно запрятаны среди моих вещей.

Стилеты я наточил и примостил в ножнах на предплечьях. А ещё с собой я взял один из охотничьих ножей, тот что поменьше был и финку. Финка была явно зоновской работы с наборной рукояткой. Ну и выкидуха доставшаяся мне в наследство от Короля тоже занимала своё место в кармане.

В дорогу я оделся под мальчика. Штаны, рубашка, куртка, кепка. Так в дороге мне было удобнее. Но полный комплект одежды и обуви под девочку лежал в сумке. Буду держать под рукой на всякий случай.

Вооружившись атласом автомобильных дорог, я стал разрабатывать маршрут.

Сначала я решил навеститься в психиатрическую больницу. Хоть я и уничтожил все документы в больнице, но оставались главврач и два дюжих санитаря, которые меня привозили. Я помню, что врачиха была та ещё сука. Помню, когда меня доставили из обычной больницы, она первым делом попыталась допросить меня. А когда упёрлась в мою амнезию, то тут же натравила на меня санитаря. И тот не сомневаясь, стал меня пугать, замахиваясь кулаком.

Думаю, что она и с другими больными не церемонится. К тому же мне нельзя оставлять в живых свидетеля, который тщательно рассмотрел мои шрамы, и скорее всего, запомнил меня. Ну а про санитаров я даже не раздумываю. Твари те ещё. Сашка мне рассказывала про них.

А вот санитарку, которая меня мыла и кормила таблетками... я пожалуй трогать не буду. Она мне ничего плохого не успела сделать, и явных грехов за ней я не помню. Посмотрим. Если не попадётся под горячую руку, то специально искать не буду.

После больницы, если всё пойдёт по моему плану, навещу Шую. Трое гопников и мент-оборотень приговорены мною.

Виновны!

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Купив железную канистру под бензин, и кое-что ещё из расходных запчастей, мы

загрузили багажник машины чемоданом и сумкой с вещами. Скрипичный футляр я взял с собой, а у Натана был какой-то кожаный саквояж в руке.

И тут меня пробило на смех. Музыкант непонимающе смотрел на меня. Ну, ещё бы. Он не видел этого культового фильма из будущего. И как бы он мог его увидеть, если на экраны знаменитый «Леон» выйдет ещё лет так через двадцать пять.

Так что скрипичный футляр с пистолетами у девочки в руках, а рядом мужчина в плаще с довольно таки выдающимся носом — это пока не плагиат на известный фильм.

Вот только цветка в горшке в руках не хватает для полноты картины.

Да и ну его на фиг, этот цветок!

В среду мы уже были готовы к путешествию. Подкупили продуктов на дорогу, лимонада, конфет «Барбарисок». Я помню, что в дороге они неплохо скрашивают монотонность поездки.

А ещё я настоял на покупке фотоаппарата. За сто рублей мы с Натаном приобрели Zenit-E с объективом Гелиос-44-2. Мне этот аппарат был знаком ещё из прошлой жизни. И плёнок набрали. Мы же туристы. А туристам надо иметь фотоаппарат.

Выехали из Москвы мы в четверг с утра. На первой же заправке, уже в ближнем Подмосковье, мы залились бензином под пробку. И в бак, и в канистру. Учитывая, что талоны были по десять и двадцать литров, я отдал два талона по двадцать. Наполнив канистру, стал заполнять бак. Всё не влезло. Литра два-три мы оставили на совести заправщицы. Сдачи не дают на заправках.

Натан уже немного лучше стал справляться с управлением машины. Но я всё равно после выезда из Москвы переселил его на пассажирское место. Он не спорил. То, что я лучше его вожу машину, он уже усвоил. Где я этому научился? Лишних вопросов он мне не задавал. Ну и правильно. Если не хочешь, чтоб тебе лгали, не задавай напрямую вопросов.

Единственно, мне пришлось изобретать себе подушку под задницу. Но я с этим легко справился, свернув лишнюю одежду. И вот теперь я "высоко сижу, далеко гляжу", как та Маша из детской сказки.

Почему-то я решил ехать не напрямую, а чуть забрал левее, относительно своего места назначения. Всё по классике: «Нормальные герои — всегда идут в обход!»

Двинулись мы не по Владимирскому тракту, а по Ярославскому шоссе. В отличие от моего будущего — это была совсем другая трасса. Старая Ярославка изобиловала спусками и подъёмами по бесконечным холмам. Как правильно говорила героиня старого советского фильма «Карнавал»: Это не город, а какие-то горы и пригорки. Вот так примерно и было.

Но мне было просто по кайфу, ехать не особо спеша, по неровному асфальту. Естественно никакой магнитолы в машине не было. Даже радио и то, не предусмотрено. Поэтому мы болтали ни о чём. Хотя это было не так уж и легко. Тридцатисильный запорожский движок пощёрдывал довольно громко. Ну, слава богу хоть не особо грелся. При воздушном охлаждении — это был довольно сильный минус в этих автомобилях. Я следил за датчиками, хотя не исключено, что они показывали «цену на дрова», вместо нужных мне циферок. Перед выездом я тщательно всё проверил. И масло, и ремень... Хотя, если честно, то вряд ли я смогу в дороге произвести какой либо более сложный ремонт. Хотя кое-какие гаечные ключи у меня были, но автомеханик из меня тот ещё. Всё-таки будущее меня избаловало. Всегда находился тот, кто мог помочь мне в ремонте. Поэтому самая главная запчасть, которая у меня была с собой — это трос. Хотя тросом это чудо тоже не стал бы называть. Но всё же хоть какая-то верёвка всё же внушала надежду в том, что меня дотащат, если что-то в дороге случится.

А то, что найдётся человек, который меня оттащит на тросу, я не сомневался. В эти старые добрые времена, стоило только остановиться на обочине и открыть капот, то проезжающие мимо машины не стеснялись останавливаться, чтобы предложить свою помощь незадачливому автолюбителю.

Но... Тьфу-тьфу... Пока всё было нормально. Мотор работал ровно. Колёса накачаны. И

даже резина не лысая. Едем себе, едем... в сторону Ярославля. Правда, в районе Переславля-Залесского, я планирую свернуть всё-таки в сторону Иваново.

Не доезжая до Переславля, я поменялся с Натаном. И дальше мы ехали помедленнее, и слегка дёргаясь при переключении передач. Видели несколько раз ГАИшников. Но они нас почему-то проигнорировали. Ну и ладно. Нам же лучше. Хотя все правильные документы у нас были на руках, но останавливаться и о чём-то разговаривать с людьми опасными для нас не хотелось. В чём опасность? Ну, всего лишь в двух наганах с глушителями. Я не знаю, какие сейчас законы. Может, мы будем обязаны перед ГАИшниками открывать багажник и показывать свои вещи. А может и отвечать на глупые вопросы типа: А куда вы едете?

Но то ли гайцы были нелюбопытные, то ли мы такие неинтересные для них... Короче, свернули мы с трассы и катили по более плохой дороге в сторону выбранного направления.

Ещё примерно через пару часов, на подъезде к Иваново, мы снова заправились, залив бак до полного, опять подарив заправщице несколько литров. Никак не могу рассчитать правильный расход бензина. А счётчик не показывает полной картины наличия в баке топлива. Ничего. Это только начало пути.

Подъезжать к психушке на машине я даже не планировал. Но всё же немного расстояния, чтобы не идти пешком, я проехал. Остановившись у лесного массива, мы устроили привал. Наскоро перекусив, я переделся в более удобную одежду. Погода была тёплая, но день уже клонился к вечеру. Поэтому куртка будет не лишней. На этот раз на мне была хлопчатобумажная куртка серого цвета. Это какая-то спецодежда была. Купил на рынке. Брюки мне были велики, а куртка длинновата. Но продавали всё вместе. Пришлось взять. Завернув рукава, я получил вполне рабочий вариант удлинённой куртки. А штаны даже не стал использовать. Потом может, перешью. Кепка на голове козырьком назад. Револьверы сзади за ремень пристроил. Ножи на предплечьях закрепил.

— Натан! Ты сейчас едешь в Иваново. Сходи куда-нибудь. В кино зайди. А на это место приезжай ближе к ночи. Просто встаёшь, и типа отдыхаешь. Я как закончу, сюда доберусь.

— Я могу тебе помочь?

— Нет. Я справлюсь. Это мне удобнее делать в одиночку.

— Я буду беспокоиться.

— Я знаю. Не беспокойся! Всё будет хорошо.

Где-то в глубине души я очень даже понимаю этого человека. Он ещё двумя ногами там, в своём прошлом. Он не был готов к такому резкому повороту в своей жизни. Ну, представьте: Живет на свете обычный человек. Обычные дела. Обычные проблемы. И в принципе, доволен своей жизнью. Но вдруг случается, что-то из ряда вон выходящее и всё летит кувырком... Жены и дочери нет в живых. Их убили прямо в доме, где до этого самым страшным происшествием был семейный скандал из-за неудачного решения проблемы эмиграции. И вот он остался один на один со всем этим миром, медленно умирая от горя и тоски.

Но тут вдруг, откуда ни возьмись, появляется такая вот я. Мочит злодеев налево и направо. Позволяет ему утолить чувство мести, дарит смутную надежду на продолжение жизни, придавая определённый смысл своему существованию.

И теперь, этот искренний и добрый человек становится напарником убийцы. Да, именно, убийцы. Всё, что я говорю о праведной мести — это всего лишь слова.

Человек — тварь коварная. Каждое некрасивое дело надо обязательно оправдать красивыми словами. И я не рыцарь, и не самурай с его кодексом чести, а скорее гнусный

ниндзя, которому нет дело до чести и совести. Главное — победа. А остальное всё детали.

Быть рыцарем и свято блюсти законы чести даже в Средние века было глупо. А нынче рыцарь обходится без шпаги, щита и забрала. Времена нынче не менее жестокосердечные, чем эпоха закованных в железо рыцарей. Рыцарем сегодня быть не модно.

Слабость человека таится в нём самом. Жалость и ненужный гуманизм лишает сил. Человек, жалея и любя другого человека отдаёт ему свою энергию, свои силы... А кому нужен рыцарь без сил, без энергии? Это самое ценное, что есть у человека.

Вот поэтому я не рыцарь. В России быть Дон Кихотом не модно.

Гоняя бесполезные мысли по кругу, я так и не пришёл ни к какому логическому завершению. Зато пришёл к нужному мне месту. Вот и знакомые очертания бывшего монастыря, приспособленные под психушку.

Вон стоит машина, на которой меня привозили из обычной больницы. Наверняка все ещё здесь. Интересно, кем они заменили убиенного мною Антона?

Теперь моя задача проникнуть внутрь и замочить всех, кого найду...

А хорошо, что всё вокруг уже зелёное. Я спокойно смог приблизиться на минимальное расстояние и занять позицию недалеко от машины. Замер. Огляделся. Всё спокойно...

На часах было пять вечера. В прошлый раз, если мне не изменяет память санитары сменились примерно в семь-восемь вечера. А значит. У меня есть время, чтобы разобраться с этой сменой, до прихода ночной.

По высокой траве я незаметно дополз до машины и стилетом проткнул колесо с внутренней стороны. Снаружи порез не заметен. А спущенное колесо вряд ли кого удивит. Может, попробуют насосом подкачать, а может и запаска у них есть. Но они отсюда уже не уедут. Отползаю снова в кусты. Жду.

Примерно через час выходит она. Главврач, с одним из знакомых мне санитаров. Врачиха уже не в своём медицинском одеянии. Видимо домой собралась. А санитар в белом халате. Значит планирует отвезти её и вернуться.

Подойдя к машине он сразу же замечает спущенное правое заднее колесо. Привлекает внимание пассажирки. Она тоже подходит и смотрит на колесо. Как удобно они встали. Удобно для меня. То есть спиной ко мне и в зоне не просматривающейся из окна дежурного врача.

Два глухих хлопка. Револьверные выстрелы вряд ли слышны в помещении больницы. С такого расстояния я не промахиваюсь. Два тела заваливаются около машины. Пуля из револьвера не всегда пробивает череп насквозь. Конечно, если не в упор стрелять. Так что крови почти нет. Я быстро метнулся, и подхватив врачиху за воротник потащил её тело в кусты. Кусты густые. Скоро стемнеет. Никто до утра не найдёт. Возвращаюсь к санитару. Стаскиваю с него белый халат, пока он не испачкался кровью. А тело тоже отстаскиваю в кусты. Обшариваю карманы и забираю ключи. Ключи в психушке — дело нужное. Все двери с замками и входные и внутренние. Жду ещё какое-то время. На крыльце появляется второй санитар. Тоже старый знакомый. Здоровый бугай. Закурил. Постоял... А потом вдруг решил тоже подойти к машине.

Один выстрел в тело, второй в голову. Валится на траву. С трудом волоку его в кусты. Там, в кустах уже становится тесновато.

Минус два. Скорее всего там внутри один, максимум два медработника. А они мне нужны? Вроде бы план-минимум уже я выполнил. Может опять психов выпустить на волю? Да, нет, наверное не стоит повторяться. Это уже было в прошлый раз.

Смотрю на часы. Через час придёт новая смена. Будет уже темновато. В кусты могут и не полезть. Может свалить? Наверное — это самый наилучший вариант.

Но странное ощущение не даёт покоя. Всё вроде бы удалось, но что-то не так. Что не так?

Машина! Пока стоит машина их могут начать искать.

Шарю по карманам у первого санитаря. Вот они ключики... А как же колесо? Да хрен с ним. Открываю дверцу. Завожу. Трогаюсь с места.

С пробитым колесом машина слегка виляет задницей. Через пару километров резина с колеса может и совсем слезть. Но удаётся проехать примерно километров пять. Я сворачиваю на лесную тропинку, направляю машину прямо в кустарник. Мощная тачка. Залезла в кусты по самое не могу, и только там заглохла. Протираю медицинским халатом

руль, рукоятку КПП, дверцу... Всё, к чему прикасался. Отойдя к дороге, оглядываюсь. Машину почти уже не видно. Вечереет. Сумерки уже раскидали свои непонятные тени. Через полчаса никто ничего не разглядит. Выбрасываю халат в канаву у дороги.

Снова шагаю перелеском, не отходя далеко от дороги. В темноте так и заблудиться недолго. Осталось только найти место встречи. Ориентиров особых там не было. Просто дорога и просто лесок рядом с дорогой. Здесь почти везде так. Да... Неувязочка.

Ну, ничего. Мы трудностей не боимся. Мы сами их изобретаем.

Решил идти в сторону Иваново. Если Натан будет ехать, то я его увижу. Хотя, что я увижу в темноте? Свет фар? Ну, увидел. И что? Как разглядеть в темноте марку машины и цвет? Только когда она мимо проедет. А то так менты поедут, а я выскочу на дорогу, думая, что это наш Запор. А если я разгляжу машину, когда она проедет мимо, то придётся возвращаться и догонять свою тачку.

Вот с такими грустными мыслями я и топаю по дороге. Да. Уже иду по дороге. Так как в кустах все ноги можно в темноте переломать. Долго иду. Уже с полчаса точно. А то и минут сорок. Смотрю на часы и вижу, что прошло чуть меньше часа. Блин. Так и до города дойти можно.

За очередным изгибом дороги наблюдаю картину: Кино и немцы. Стоит наш «Запорожец» мордой в сторону Иваново. Капот поднят. А, нет. Впереди это не капот, а багажник. И что там творит наш автолюбитель?

Возле машины лежит колесо. Рядом второе колесо. Хиленький домкрат свёрнут набок. А машина лежит одной стороной на земле. Расстроенный Натан стоит как блондинка и тупо пялится на это, явно не зная, что делать дальше.

О том, что правое переднее колесо спустилось, Натан понял, когда «Запорожец» потянуло в сторону обочины. Остановившись, он и обнаружил спущенное колесо. Как менять колесо, музыкант в принципе знал. Теоретически... Но всё же смог подставить домкрат. И отвернув четыре гайки, снял колесо.

В этот момент, поставленный просто на землю домкрат подломился, и машина завалилась на бок. Домкрат остался зажатый машиной. И всё остальное время Натан потратил на извлечение домкрата и попытки подсунуть его снова. То есть пока я там развлекался у психушки, он здесь не успев далеко отъехать, развлекался в колёсами.

Я приблизился к незадачливому автомобилисту и подойдя со спины тихонько кашлянул. Натан вздрогнул и повернулся ко мне, сжимая в руке баллонный ключ.

— Бог в помощь, приятель! — вспомнилась мне сакраментальная фраза из советского мультика про пса и волка.

— Это ты?

— Не. Не я это... — улыбаюсь в ответ. — Что, не получается?

— Да я...

— Ясно... Надо найти что-то типа доски, чтобы подложить под лапу домкрата. Иначе он снова провалится на мягкой земле.

— Доски?... — в его глазах замешательство.

И я его понимаю. В лесу проще найти бревно, чем доску. Тогда я начинаю ревизию того, что имеется в багажнике. Разнокалиберные гаечные ключи... наши вещи. Скрипичный футляр. Нет, скрипку подкладывать под домкрат — это круче чем микроскопом забивать гвозди.

Я проверяю, стоит ли машина на передаче, и обнаруживаю нейтралку. Теперь ясно

причина того, что машина завалилась на домкрате. Ручник. Тоже самое... Всё с ним ясно.

Под правое заднее колесо пристраиваю домкрат. Натан следит за мной с недопониманием. Ведь пробито и снято правое переднее колесо. Но не обращая на него внимание я начинаю заниматься знакомым делом.

Подложив под лапу домкрата несколько плоских гаечных ключей с номерами побольше. Я поднимаю машину так, что под середину правого порога влезает снятое спущенное колесо боком. Снова опускаю домкрат. Теперь у переднего колеса есть свободное место между землёй и машиной, чтобы подсунуть домкрат. Опять поднимаю машину, но уже спереди. Надеваю диск на шпильки и понимаю, что гаек не вижу под рукой.

— Натан! А гайки где?

В темноте мы долго искали гайки в траве, но нашли все четыре. Закручиваю гайки, спускаю домкрат и снова затягиваю гайки, но уже на колесе, стоящем на земле.

— Как у тебя так всё просто получается, как будто ты это раз сто уже делал?

— Не знаю... — многозначительно отвечаю, про себя думая, что делал это не сто раз, а гораздо больше.

— И куда мы сейчас поедем?

— Поехали в Иваново, а там видно будет. И ещё... Натан! Я сяду за руль.

— Ладно.

— Человек имеющий водительское удостоверение, не споря передаёт управление автомашиной в ночное время несовершеннолетней девочке. Ха-ха! Смешно.

— Но я...

— Расслабься! Я шучу! Садись! Поехали!

Глава 18

Самое банальное название для гостиницы находящейся в городе Иваново рядом с одноименным вокзалом? Угадайте с трёх раз!

Раз, два, три...

Ну, конечно же — гостиница «Иваново». Приз в студию!

А если честно, обычная гостиница советских времён. Мало чем отличающаяся от таких же, стандартно-типовых гостиниц в любом мало-мальски крупном городе СССР. А нам большего и не надо. Надо отдохнуть, выспаться, если будет такая возможность, то и помыться.

С виду гостиница была свежая. Явно построена не так давно. Два-три года назад...

Но внутри нас ждал громадный облом. Мест нет.

Жалкие попытки Натана заинтересовать администратора деньгами, не привели ни к какому результату. Видимо удобное расположение гостиницы рядом с вокзалом привело к её перенаселению. А может у моего напарника был вид человека, у которого не стоит брать взятку. Но администратор нам всё-таки попыталась помочь. Она позвонила в другую гостиницу. И вроде бы даже объяснила, что клиенты, то есть мы, готовы отблагодарить.

Итак. Наш путь теперь лежал в другую гостиницу, с гордым таким названием «Центральная». Я думал, что это где-то рядом. Оказалось, что нам пришлось и речку переезжать и ещё покататься по городу. Но зато здание гостиницы «Центральная» меня впечатлило больше, чем привокзальной «Иваново». Явно довоенной ещё постройки.

Да... Любили тогда у нас в 30-х годах строить в стиле советского конструктивизма. Единственно меня волновал вопрос с живностью. Обычно в таких старых гостиницах проживают такие же старые и породистые клопы по соседству с тараканами. Или хотя бы кто-то из них один.

Заселение решил взять на себя. Натан с документами отсвечивал рядом, а я стал разговаривать с администраторшей. Я объяснил, что мы с «папой» путешествуем, а машина сломалась в дороге. еле доехали... Ну и так далее...

Денег сверху с нас взяли совсем немного. Всё-таки провинция. Так что минут через десять, заполнив пару анкет и показав паспорт Натана и свидетельство о рождении Маши, мы уже поднимались с вещами на третий этаж. Нам достался вполне просторный номер с двумя кроватями.

На мой вопрос про горячую воду... Сказали, что утром обязательно дадут... Вот так. Зато нашлось место для нашего железного коня во дворе гостиницы.

Сбросив тяжелые вещи, мы переоделись попроще, чтобы отужинать в ресторане. Ресторан «Москва» располагался в том же здании, но на первом этаже.

Я оделся скромной девочкой в простом платье, а мой «папа» был в костюме. Но кофточку я всё-таки накинул. Хоть и май месяц, но вечером ещё прохладно.

Ну что сказать. Дорого-богато... Это я про ресторан.

На входе висела табличка «Мест нет». Хотя было видно через большие витринные окна, что места свободные были. Я посоветовал Натану вручить швейцару входной билет в виде зелёной трёшки. Место для нас сразу нашлось. Администратор хотел нас посадить за уже занятый наполовину четырёхместный столик, за которым уже сидела парочка, молодой человек и девушка. Но я попросил найти нам столик поуютнее, подальше от музыки, и

желательно на двоих не более. Синяя пятёрка исчезла в руке этого фокусника, как будто её и не было вовсе.

Вот так...Ещё и маковой росинки во рту не побывало, а восемь рублей как корова языком слизнула. Кстати о коровах...

— Натан! Ты свинину ешь, или...

— Я понял тебя. Да, ем. Я не такой уж убеждённый иудей.

— Это хорошо.

Официанта пришлось подождать. Ну, вернее, официантку. Дородная тётя с высокой причёской и с золотом в ушах и на шее, с недовольным лицом лениво подошла к нашему столику, и плюхнув папку с меню на наш столик, угрюмо спросила слегка гнусавя:

— Что будете заказывать?

Чувствую, что если сейчас доверить скромному музыканту заказывать наш ужин, а точнее очень поздний обед, то нам либо в суп плюнут, либо принесут не раньше чем через полчаса. Не открывая меню и не глядя на цены этого местного центра общепита, беру общение с этой противной тёткой в свои руки:

— Уважаемая! Мы с отцом очень устали с дороги. Нам бы хотелось очень вкусно поесть. Мы вас обязательно отблагодарим. Принесите на ваше усмотрение! Что-нибудь их первых блюд можете предложить.

Тётка слегка зависла от такой моей речи. Но быстро настроилась и затараторила, как печатная машинка:

— Есть харчо. Очень рекомендую! Можно и солянку сборную мясную.

Прерываю этот словесный поток обращаясь к Натану?

— Пап, тебе харчо или солянку?

— Харчо. — мой «папа» немногословен. Он уже понял, что весь разговор буду вести я.

— Два харчо, пожалуйста! А из салатиков что есть?

— «Витаминный», «Столичный»...

— Два столичных...

Я помню, что столичными салатами в ресторанах называли обычно, что-то типа салата оливье с вариациями.

— Соленья есть?

— Да, маринованный чесночок, черемша, огурчики.

— Сделайте ассорти!

Официантка немного растаяла. Она почувствовала, что на этом столике можно неплохо навариться.

— Теперь на второе, что предложите?

— Антрекот, бифштекс...

— А куриные отбивные в кляре есть?

— Да, да, конечно. Что на гарнир возьмёте? Рис, пюре картофельное?

— Рис. Ну и зелень, если есть...

— Конечно, конечно... Пить, что будете?

— Па-ап! Ты коньячку выпьешь? Тебе же никуда сегодня уже ехать не надо будет за рулём...

Мне кивают в ответ.

— В графинчике грамм сто пятьдесят, коньяк у Вас какой получше есть...

— Армянский, пять звёздочек.

— А мне лимонада. Давайте сразу бутылки три. Я думаю, нам с папой на вечер хватит.

— Всё? — официантка быстро-быстро записывала мои хотелки в блокнотик.

— Вроде да. Хлеб...

— Это уже будет. Вам что сначала подавать?

Вот это сервис. Заглотила щучка наживку. Видимо порхать весь вечер вокруг нас будет как бабочка.

— Сначала закуски, салатки, коньячок, лимонад... А первое минут через пятнадцать-двадцать. Мы не спешим. Со вторым уже после разберёмся.

Я незаметно для окружающих, но вполне заметно для официантки, опускаю ей в карман передника синюю пятёрку.

Она грациозно, как балерина, при её-то комплекции, зашагала в сторону ресторанной кухни. Ну а мы стали оглядываться по сторонам.

Зал ресторана был довольно большим. Я бы сказал, что продолговатым. Мы сидели в самом дальнем углу от ресторанного оркестра. Хотя какой оркестр? Рояль, контрабас, саксофон, аккордеон. Что-то ещё, не видно отсюда. Певичка немолодая, судя по голосу. Но поёт от души, с задором. Репертуар вполне современный для 1970-го года. Ландыши, Два берега, Пять минут... но для меня музыка была лишь фоном. Очень быстро на нашем столе появились тарелки с салатами и закусками. Графинчик с коньяком, вряд ли таким уж пятизвёздочным. Как обещали. Лимонад...

Я налил в рюмку Натана грамм пятьдесят коньяка, а себе лимонаду в большой бокал. Схулиганив, плеснул себе в лимонад тоже граммuleчку алкоголя. Натан посмотрел на меня укоризненно, но промолчал.

Чокнулись, выпили. Натан залпом, а я не спеша глоточками. И не весь бокал сразу. Салатик был вполне съедобным, а мы голодными. Когда принесли харчо, от салатов не осталось даже воспоминаний.

Ну, что же. Харчо здесь делал явно кавказец. Не обязательно грузин, хотя и это тоже не исключено. Сытный супчик и порция большая. Я даже не доел до конца. Оставил место под второе.

Куриную отбивную я тоже доел, но рис почти весь остался на тарелке. Запивая обед лимонадом, я чувствовал, что скоро лопну. Объялся.

Натан сидел довольный и сытый. Коньяк он допил. И видимо градус его удовольствия был высокий. Я даже его сфотографировал. Он был такой серьёзный с ножом и вилкой над трупиком курицы...

Фотоаппарат я обновил ещё раньше, снимая по дороге всё подряд. А сейчас просто «добивал плёнку, чтобы с утра вставить новую.

Мы ещё посидели, а потом к нам снова подошла официантка за расчётом. Я мельком глянул в цифры на листочке.

— Пап, дай денег! Я рассчитаюсь.

И вот тут Натан сделал то, на что я не рассчитывал. Он достал из кармана пиджака сразу всю начатую пачку пятёрок и протянул мне. Сразу же вспомнился эпизод из фильма моего будущего времени — «ДМБ»: Братья Алиевы сделали ошибку, сразу показав все деньги.

Это я понял по блеснувшим глазам нашей официантки. Но я спокойно отсчитал сумму по счёту, добавив сверху три пятёрки и со словами: «Сдачи не надо!», передал довольной тётке.

Мы ещё посидели чуть-чуть, попивая лимонад, а потом покинули уютное заведение. На улице был приятный майский вечер. Свежо, но не холодно. А нам, после сытного обеда-ужина, так вообще офигительно.

— Пойдём, прогуляемся! — предложил я, хотя и подозревал, что жадная официантка может нам подкинуть проблем на вечер.

Но я всегда руководствовался принципом котёнка по имени Гав: — Котёнок! Тебя во дворе ждут одни неприятности.

— А они меня ждут? Эти неприятности?... Тогда я пошёл!

Ну, вот мы и пошли. Я думаю, что Натан просто гулял. А я ждал. Ждал, что на нас вскоре нападут эти самые, неприятности...

Не ошибся. Они не заставили себя ждать...

Неприятности нас поджидали квартала через два. Когда мы, нагулявшись и надышавшись свежего ивановского воздуха, решили вернуться обратно в гостиницу другой дорогой по параллельной улице, и именно для этого свернули в самый тёмный переулок в этом районе.

Я уже давно заметил пару теней, крадущихся позади нас, но они старались держаться подальше, видимо поджидая самого выгодного и беспроблемного момента для нападения на заезжих лохов. Так что переулок я выбирал специально, чтобы далеко не ходить. А то уже устал ждать, когда это на нас решаться напасть местные «неприятности».

А в этом переулке и дома были пониже, и народу пожиже. Да и горящих фонарей поменьше. А если честно, то их вообще в этом переулке не было. Может сами фонари и присутствовали, но были либо выключены, либо не подключены. Или их разбили из эстетического неприятия света в вечернее время местные аборигены. Было немного света из окон, да светила метров через двести пятьдесят следующая улица с фонарями. Но переулок был тёмным, как космос без звёзд... Кстати звёзд и луны, на затянутом тучами небе, тоже не было видно...

Топот приближающихся шагов сзади... Смело шагают товарищи бандиты, уверенно...

Мы с Натаном приняли правее к забору, чтобы пропустить тех, кто так спешит куда-то... Но догнав нас, пара мутных типов возле нас притормозила...

Один из них с блатной хрипотцой сразу «наехал» на моего более взрослого спутника:

— А, ну, ты. *ля! Быстро деньги давай, *ля!

— Что, простите? — опешил музыкант, явно раньше не встречавшийся с таким обычным для меня явлением как уличный «гоп-стоп».

Гоп-стоп или грабёж! Как сразу квалифицировал я сие действие этих ночных упырей.

Вот если бы сразу напали бы и бить начали, то был бы уже разбой. А так... Всего лишь... Грабёж.

Да к тому же и не вооруженный. Что-то я ни ножей, ни пистолетов у них в руках не заметил. Может в карманах прячут, а доставать стесняются...

— Ты чё, не понял, *ля? — каким то сиплым голосом присоединился к нему второй злодей. — А ну давай деньги, а то мы девку твою...

Про «девку» мне не слишком понравилось... А меня, как боевую единицу, они в расчёт вообще не принимали. Всё внимание только на более высокого и более взрослого Натана.

А я? А я так... Стою себе сбоку, и никого не трогаю. Пока...

Местные гопники, видя, что лоховатый интеллигент не проявляет в ответ на их слова никакой агрессии, приступили к более плотному контакту с жертвой. Хрипатый схватил Натана «за грудки» и слегка потрянул. Второй бандюган находился чуть сзади его, и чуть правее.

Блин. Как же неудобно драться ногами, будучи одетым в платье...

С правой ноги, сбоку заряжаю в грудь сиплону. Попал грамотно, под дых, в самое «солнышко». Сиплый сразу потерял интерес к жизни, согнувшись в попытке выдохнуть воздух из лёгких. Но тут же наткнулся лицом на вовремя подставленную мною коленку и отлетает назад.

Минус один.

Ну а я просто прыгаю вперёд на спину к оставшемуся злодею, просовывая ему правую руку под шею, а левой тяну правый кулак на себя. Чтобы «удушение» было более классическим, обхватываю его ногами. От такого моего нападения, он не устоял на ногах, и мы с ним завалились на бок.

Меня сильно приложило об землю, но свою хватку я не прерывал даже во время падения. Уже лёжа на земле, я додушил его до полной отключки.

Ой... не при моём нынешнем весе увлекаться борьбой... Зря я так сделал...

Слишком увлекшись борьбой в партере с более тяжёлым для себя противником, я чуть не пропустил восстановление второго игрока.

Сиплый уже почти что оклемался и планировал зарядить мне с ноги в голову. Но тут уже, пришедший в себя Натан не оплошал. Наотмашь, почти не сжимая кулака, врезал нападавшему в ухо. Оглушительная получилась пощёчина. Злодея снова унесло куда-то в темноту.

Я уже поднялся на ноги, когда Сиплый вновь появился на арене. Но теперь он уже не был безоружным. Злобная тварь уже сжимала в правой руке что-то острое.

Похоже, что грабёж плавно переходит в вооружённую стадию, и вечер перестаёт быть томным.

Двигался сиплый всё-таки в сторону Натана. Видимо меня он до сих пор держит на вторых ролях и не считает для себя сильным противником.

Эх, блин. Ну почему я в платье? Я чувствую себя почти что голым. Ни моих верных наганов, ни даже надёжных стилетов с собой нет. Их же просто некуда было спрятать. Да и ши-то мы вроде ужинать в ресторан, а не на ристалище с местными бойцами.

В полутьме переулка мне удалось рассмотреть длинный кусок шпакетины, валяющейся на земле. Наверное, часть забора решила прогуляться отдельно от своих соседей, и вырвалась на свободу.

Подхватываю деревянную рейку двумя руками и прямо по траектории «Земля-морда», впечатываю сиплому в челюсть снизу. С невнятным «хык» он снова отлетает в сторону. Ну а я продолжаю охаживать его деревяшкой. Раз пять опускал ему на глупую голову толстую квадратную рейку, пока она не переломилась напополам. Рейка, а не голова. Конечно же.

Сиплый к тому времени уже перестал сопротивляться и выронив свою «пику», закрывал лицо руками. Добавив ему половиной рейки со всего размаха по башке, я окончательно вырубил его.

Сунув половину шпакетины в руки Натану. Я приказал:

— Держи его, чтобы не дёргался! — а сам, подхватил заточку, сделанную из треугольного напильника, с рукояткой из намотанной кожи, а скорее всего изоленты. В темноте не видать, а на ощупь — какая-то маслянисто-жирная. Ладно. Сойдёт. За неимением... Я уже говорил...

«Разбудил» хриплого.левой держу его за патлатые волосы, а правой приставил ему заточку поближе к глазу, чтобы он прочувствовал всю глубину моего убеждения, и ласково так спрашиваю:

— Кто тебя на нас навёл?

Тупо пялится на меня. Моргает. Типа ничего не понимает...

— Если ты будешь так дальше моргать, я моргалку-то тебе одну выколю, и за другую примусь. Но тебе будет очень больно при этом. Повторяю вопрос... Кто... Тебя... Навёл?

— Зинка! Зинка это... дура...

— Кто дура? Я — дура?

— Н...нет. Зинка — дура. Сказала богатый лох с дочкой. Денег пачка на кармане.

— А Зинка — это кто?

— Из кабака... Из ресторана... Официантка, что вас обслуживала. Сеня её *бырь.

— А Сеня, это тот сиплый, что вон там на земле лежит?

— Д...да... Это он, сука... Я...

Не дал я ему договорить, просто воткнул ему заточку снизу под челюсть, пронзая заодно язык. Наверное, достал остриём до его куриных мозгов, так как он затих почти сразу. Неплохая получилась лоботомия... Только её, кажется, по другому как-то делают.

Ладно... Как говорил мышонок в советском мультике: «И так сойдёт!»

Крови было мало. Заточка-то узкая, а из раны я её пока не вынимал. Я обожду слегка.

Оставив хрипатою остывать, я вернулся к своему «папику», который всё так и стоял над поверженным врагом со штакетиной в руке.

Сиплый ещё не пришёл в себя. Я зашёл к нему сзади. Приподнял за волосы голову, оторвав чуть от земли, и упираясь коленом в спину, свернул ему шею отработанным уже приёмом. Потом за шиворот дотащил его к другому трупу, и его рукой захватив заточку за рукоять, выдернул из раны. Кровь хлынула ему сразу на руку. Я едва успел отскочить, чтобы самому не испачкаться.

— Натан! Дай мне несколько пятёрок!

Мой друг молча, не глядя сколько, передал мне несколько купюр. Я тоже не считая, бросил их в лужу натёкшей крови. А пару купюр сунул в руку хриплому. В другую руку ему вложил половинку сломанной штакетины.

Если менты найдут, то картина легко читается так: Гопники не поделили ворованные деньги.

Ну а если добрые прохожие раньше ментов упрут эти несколько грязных пятёрок, то картина меняется...

Гопники просто передрались между собой. По пьянке, наверное. Не в первый раз небось такое бывает... Бытовуха.

Время на моих часах уже приблизилось к одиннадцати. Пора бы и нам спать ложиться, а то, что-то утомился я за сегодня. А завтра ещё ехать надо...

По дороге к нашему «отелю», я всё думал: Стоит ли ещё с этой дурой Зинкой разобраться? Но решил, что не стоит. Если что спросят, можем сказать, что на нас напали гопники, отняли деньги. А один из них при этом проговорился, что это официантка сказала ему, про наличие у нас денег. Привлекут её тогда как наводчицу... А может и не привлекут... Доказательства есть? Нет. Только слова испуганных жертв ограбления. Может даже менты и возбудят несколько уголовных дел.

Одно дело — это грабёж. Дело уже раскрыто. Грабители установлены. Дело будет закрыто в связи со смертью подозреваемых.

Второе дело — это либо мокруха, либо тяжкие телесные, повлекшие смерть. Фигуранты установлены. Но уже оба мертвы. Так что, скорее всего, спишут все дела в архив и забудут.

Хотя, если будут действовать с целью повысить процент раскрываемости, то могут написать много разных умных слов, и все дела пойдут в зачёт раскрытых тяжких преступлений.

Ну а мы вернулись в гостиницу, почистились от пыли. Хотя извадюкался в основном только я. Додумался тоже мне... Бороться в партере с гопниками в переулке.

Всё. Без стилетов больше из дома не выхожу. Хватит приключений на мою тощую задницу.

Я лёг спать, и спал без задних ног до самого утра.

Утро нам принесло хорошие новости. Дали горячую воду. Чуть желтоватая, но всё же горячая. Я с удовольствием принял душ, смывая с себя грязь и пот вчерашнего дня. Пока после меня мылся Натан, я уже собрался в дорогу.

После лёгкого завтрака, мы отправились в путь, не дожидаясь расчётного часа. В советских гостиницах он всегда наступал в полдень, не зависимо от того, когда ты вчера с вечера заселился.

Правда, иногда мне в моём прошлом будущем удавалось прогнуть эту систему в свою пользу. Если приезжаешь в город ближе к полуночи, а заселяешься в гостиницу чуть-чуть после нуля часов, то по всем документам проходит дата следующего дня. Таким образом, мне пару раз удавалось заплатив за одни сутки, ночевать две ночи, а целый день можно было посвятить изучению города. Но это было тогда, когда я никуда не торопился, а просто путешествовал по стране в своё удовольствие.

Сегодня я в дорогу снова был одет под мальчика. Стилеты заняли своё законное место. Хватит уже. Без оружия я больше никуда не пойду. Правда, наганы я убрал пока в багажник, от греха подальше, заложив их сверху вещами.

Вот тут-то в дороге всё и началось. Натан долго сидел надувшись... Видимо его так и подмывало что-то сказать или высказать мне. Но он всё никак не мог собраться. То ли с мыслями собирался, то ли храбрости набирался. Наконец его всё-таки прорвало.

И судя по всему, зря я вчера в ресторане его называл «папой». Хотя я делал это из конспиративных целей, но... Он возможно воспринял всё, как должное. А сейчас, включив «режим отца», решил меня повоспитывать...

— Инга! Нам надо с тобой сегёзно поговоить!

Боже мой... Какой менторский тон. Какое многозначительное и многообещающее начало. Ну и как с ним сейчас общаться? Надо для начала прощупать тему...

— О чём? — включаю режим «легкомысленная девочка».

— Ты вчега... Это было обязательно делать?

— Что именно? Убивать этих ублюдков?

— Нет. Специально заманивать их в тёмный переулок, чтобы убить?

Ха... А он умнее чем я о нём думал... Раскусил мою вчерашнюю инсценировку.

— Ну, начнём с того, что начал всю эту замутку вчера именно ты, Натан Борисович!

— Я? — его удивление неподдельно.

— Да. Ты.

— Когда это я начал?

— А когда в ресторане засветил пачку денег перед той жадной курицей.

— Но...

— Большинство людей в сфере обслуживания, так или иначе, связаны с криминалом. Швейцары стучат органам, таксисты часто работают в связке с криминалом, официанты общаются и с теми, и с другими. Она могла бы капнуть на нас в органы. А те бы стали задавать ненужные вопросы о происхождении денег. Но у неё хватило ума лишь стукануть своему хахалю, что есть пара лохов с деньгами.

— Но ты гисковала.

— А ты? Ты не рисковал? Или смерть мужчины не так волнует, как смерть женщины.

Ну, да, конечно... Вы мужчины с рождения должны в этой жизни быть воином, защитником. Я понимаю, бороться необходимо. А на войне кто-то обязательно гибнет в бою. Это неизбежно. Но почему-то гибнуть должны лишь мужчины, а женщины должны жить. Так что ли?

— Ну... Так...

— Тогда почему вчера ты первый не ответил этому хрипатому? Почему ты впал в ступор? Нас могли ограбить, порезать, убить...

— Я... Я гастегялся...

— Настоящий воин не думает о жизни и смерти. Настоящий боец не думает о победе и поражении. Об этом очень хорошо написано в «Бусидо» — кодексе чести самураев. Самурай идёт навстречу смерти, не думая ни о чём, кроме как о чести самурая.

— Но я не...

— Да. Я согласна. Ты — не самурай. Ты — музыкант. В жизни так всегда: Герои творят свои подвиги и гибнут на поле боя. А обыватели в поте лица добывают свой хлеб...

— Вот сейчас это было очень обидно...

— Тогда вчера тебе надо было сразу зарядить тому хаму в морду, когда он только потребовал денег, а не ждать, пока я начну их валять по земле. Натан, понимаешь ли, ноги вытирают обычно о тех, кто сам не противится этому. А стоит только дать отпор, сразу начинаются совсем другие разговоры. И эти разговоры надо вести на равных. Ты чего-то боишься? Ты пару недель назад хотел умереть. Что изменилось сейчас?

— Сейчас есть ты.

— И что?

— Я буду защищать тебя!

— Для этого тебе надо сначала научиться защищать себя. Ты это сможешь?

— Смогу! Но...

— Да всё я понимаю. Тебя учили сольфеджио, а не айкидо с ниндзюцу.

— Что такое ниндзюцу?

— Ниндзюцу — это учение ниндзя о способах убийства себе подобных. Ниндзя или иначе они называются — синоби. Это разведчик, диверсант, наёмный убийца в средневековой Японии.

Я уж не стал объяснять наивному музыканту, что ниндзюцу — это не просто ногомашество и рукодрыжество, а комплексная дисциплина, которая предусматривает и шпионаж, и скрытое наблюдение, и методику диверсионной работы в тылу противника. А также ниндзюцу это ещё и наука выживать в любых условиях. Ну и конечно же я не стал ему говорить, что сам я никакой ниндзюцу в полной мере никогда не обучался, и представление обо всём этом имею довольно поверхностное. Но для этого времени даже мои скудные знания являются откровениями свыше.

Натан молчал. Видимо переваривал то, что я ему сейчас наболтал. А после стал сыпать вопросами.

— Инга! Откуда всё это? Самурай? Синоби?

— Не знаю. Я же говорю, что после того, как я побывала за гранью...

— Да, да..

Кажется, он мне до конца так и не поверил... Дальше мы ехали молча. Тишина нарушалась только тарыхтением нашего «Запорожца». Каждый из нас думал о чём-то своём.

Ехали мы, никуда не торопясь, но уже ближе к двенадцати подъезжали к Шуе, не забыв

по дороге снова залиться бензином до полного бака. Запас карман не тянет.

В самую Шую я решил пока не заезжать. Для начала я решил опустошить свою оружейную нычку в землянке.

И вот уже мои знакомые места... Правда они слегка изменились из-за бурного роста листьев на деревьях и всяческой зелени на земле. Но я уже научился ориентироваться на этой местности.

— Вот здесь тормози! — скомандовал я напарнику.

Он уже более уверенно управлял нашей тачкой. Ничего-ничего... Через месяц-другой я из него такого Шумахера сделаю.

— Открой капот и разложи гаечные ключи! Типа ты машину починяешь...

Я сдёрнул силовой провод в катушки. Теперь не заведётся.

— А если, что... Я в лес пописать ушла...

К землянке я снова подходил кругами, как будто бы гуляя по лесу. Но, нет. Никаких признаков того, что кто-то здесь ходил-бродил не было. Прислушавшись, но не услышав посторонних звуков, я распечатал землянку.

Вроде бы ничего не изменилось. Котелок, кружка с ложкой, лежали на столе, как я их и оставил. Мыши снова погрызли газеты и нагадили где только можно. Значит, меня никто не навещал, пока меня не было.

Вот и ладненько...

Разобрав доски, достал из нычки солдатские шмотки, а потом раскопав лопаткой ямку, извлёк свои железяки. Я забрал всё. И топорик, и лопатку, и котелок с кружкой. Больше я сюда вряд ли когда вернусь. Не разворачивая, всё как есть в резиновой обёртке, подхватил свои трофеи.

Но выйдя из землянки, я нос к носу столкнулся с онемевшим от моего появления из-под земли солдатиком.

Ничего более умного он не придумал, как спросить меня удивлённым голосом:

— Ты кто?

Да... *ля...

Немая сцена...

Нет. Ну, вот что бы вы ответили на такой, заданный внезапно банальный вопрос:

— Ты кто?

— Дед Пихто!

Ну а что я ему мог ещё ответить?

— А ты кто такой?

— Я?...

Да... Похоже, что ему последние мозги сапогами отбили...

— Ну не я же...

— Я?... — снова затянул солдатик...

Пора прерывать этот тупой разговор и переходить к конструктивному диалогу.

— Короче... Я из дома ушел. Батя пьёт запойно. Жил тут в землянке. Хавчик кончился.

Вот, решил домой вернуться. Кстати. Там кто-то из ваших свои шмотки оставил. Сапоги, форма старая... Землянка тут целая. Я тут три дня уже. Никто не заходил. Спать тепло...

Гружу его разговорам, подводя к мысли, что он теперь тоже знает про землянку, а значит, сможет в будущем ей пользоваться для своих нужд.

— Я сюда вряд ли ещё приду. К бабке поеду. Она у меня на Кубани живёт Там тепло...

— Землянка?...

Похоже он реально тугодум.

— Да. Можешь теперь сам пользоваться. Мне больше не надо.

— Ну...

— Ну, ладно. Бывай, служба! А я пошёл. Пора мне...

Оставляю его на полянке с задумчивой мордой. Вот же ведь дуболом. Правильно шутили: «Чем больше в армии дубов, тем крепче наша оборона!»

Единственно плохо, это то, что он меня видел. Хотя кого он видел-то. Пацанчика в кепке. А я теперь — девочка со скрипкой.

Не оглядываясь, не спеша удаляюсь от полянки. За мной никто по кустам не ломится. Может, он сообразил, что надо в землянку залезть, да разведать что почём. А может до сих пор висает на полянке в раздумьях. А хорошо, что я не стал его мочить. Он ведь вроде бы ничего плохого мне не сделал. Судя по его поведению, он вообще мало на что способен.

И как вот таких в армию призывают?

А вдруг война?

А он такой задумчивый...

Шёл я хотя и довольно быстро, стараясь поскорее удалиться от случайного свидетеля. Но всё же не пёрся по прямой к нашей машине. Поплутал немного и вышел на дорогу чуть в стороне от того места где Натан имитировал поломку машины. И правильно сделал.

Возле машины торчал грузовичок, а замасленный водитель «помогал» моему напарнику «ремонтировать» чудо запорожского автопрома. Да ещё и помогал с очевидной долей рвения.

Половина запчастей, видимо ненужных, уже перекечевали из-под капота на землю. Блин. Кто всё это потом будет собирать и ставить на место?

По кустам, лесочком приближаюсь, стараясь заранее не светиться. И снова всё сделал правильно. Мой старый знакомый водила с татуировкой «К.О.Л.Я.» на руке и его

потрепанный грузовичок...

Его только здесь не хватало. Он видел меня со светлыми волосами. Но вдруг опознает и с тёмными. Может он лишь с виду такой недалёкий, а на самом деле всё замечает...

Что же мне делать?

Лежу в засаде. Жду. Кормлю комаров.

Интересно, а клещи уже появились? Мне только не хватало насобирать на тело всякую гадость.

Мне немного слышно, о чём говорят эти горе-мастера.

— Я, эта... смотаюсь на базу... там... эта... масло...

А дальше неразборчиво. Но я понял, что Коля решил подтянуть ещё специалистов по ремонту автохлама. Может Натан ему на бутылку пообещал дать, а может наоборот, Коля решил развести автолоха на большой и ненужный ремонт. Лишь бы особо чего уже не навредил со своей помощью. Пара минут и грузовичок умчался в сторону Шуи.

«Выхожу один я на дорогу...» Прямо как в классическом произведении.

— Натан! Ну ты чего загрузил-то.

— Да, я... А он...

— Вот. — бросаю на землю свою ношу. — Это убери в багажник на самое дно. Потом разбираться с этим будем. А я пока посмотрю, что вы там с Колей наремонтитовали.

Мастера, блин.

Я поставил на место, снятый зачем-то воздушный фильтр.

А... Ясно зачем. До карбюратора решили добраться. Лишь бы не накрутили там чего.

Силовой провод прикладываю на его законное место.

Сажусь за руль. Завожу. Стартует сразу. Нормалёк.

По дороге посмотрим, не наколдовал ли чего Коля с настройками карбюратора. Если расход бензина увеличится, значит прибавил количество...

Ладно. С этим после.

Мой сообщник уже справился с захиванием тяжёлого тюка в багажник, а я всё-таки переложил поближе свои наганы. Оба сразу. Сунул их в салон за водительское сиденье, а сверху заложил дорожной сумкой. Мало ли что...

— Натан! Ты такой чумазый. И руки все в масле. Да и лицо...

— Я с машиной...

— Ясно. Мы пахали. Я и трактор... Тебе умыться не помешает. Мыло есть... Сейчас садись на пассажирское место. Только ничего руками не трогай. Тут недалеко есть съезд к реке. Там и отмоешься. Да и мне надо руки тоже отмыть...

Поехали в сторону Шуи. Я совсем не хотел заезжать с этой стороны, но пришлось вот...

До Шуи мы так и не доехали. Я заметил справа съезд на грунтовку. Накатанный такой. Видимо частенько им пользуются.

А учитывая, что вдалеке сверкала на солнышке речка, то скорее всего это и есть нужный нам сейчас съезд к реке. Вот и помоемся. А заодно и перекусим.

За короткой лесополосой, небольшой участок поля, вокруг которого просматривается наезженная колея. Видимо председатель колхоза по ней свои поля на «козлике» объезжает.

Подъезжаем к реке. Здесь немногочисленно. Людей так вообще нет. На берегу есть места, где явно ступала нога цивилизованного человека. Вот у дерева брёвнышко лежит, а рядом место от костра. И банки ржавые валяются, и бутылка с отбитым горлышком.

Да... А в будущем будут ещё и пластиковые пакеты с мусором оставлять. И пластиковые

бутылки рядом с пластиковыми стаканчиками будут валяться.

Не люблю я такое. Неужто трудно после себя, если не унести, то хотя бы прикопать, чтобы...

На другом берегу, по диагонали от нас, компания молодых парней типа ловит рыбу...

Пара удочек закреплены в сторону реки, а молодёжь придаётся возлиянию зелёного змия белого цвета. Водку пьют, короче или бормотуху. Издали не видать, но что пьют видно и без оптических приборов.

До них от нас метров двести — двести пятьдесят. Отсюда лиц не видно, но меня что-то очень насторожило. Может опять чуйка сработала...

Пока Натан у речки моет руки, лезу в свои закрома и достаю тот самый театральный бинокль, который неплохо выручил при слежке за воинской частью.

Эх, надо бы потом озаботиться приобретением оптики помощнее.

Навожу бинокль на группу товарищей.

Блинство блинское.

В натуре, *ля...

Таких совпадений точно не бывает.

Хотя...

Тут до Шуи недалеко. Пешком дойти можно не спеша. Почему бы и нет.

А я-то хотел их искать, выслеживать. А тут вот оно что.

Спасибо Коле, что он так помог испачкаться мне и Натану. Если бы не это, мы бы не искали съезд к реке. И я бы не нашёл этих гопников так быстро, да ещё и в таком уединённом месте.

Это были именно они. Те самые, «реальные пацаны», с которыми я бился перед тем, как меня запихнули в психушку.

Там ещё один из них — Гриша, у которого папаша мент усатый.

А у второго вон, вся рожа розочкой расписана.

Сашкина работа... Постаралась девочка в своё время.

Светлая тебе память, подруга! Я за тебя отомщу!

Попались голубчики.

— Натан! Мне надо ненадолго отлучиться. Ты здесь пока постой. Машину больше не разбирай, ладно? Я постараюсь минут через полчаса вернуться. Ни о чём не спрашивай. Всё потом. И ещё... Что бы ни случилось, не лезь никуда и ничего не предпринимай! Ясно?

— Нет Не ясно...

Боевой хомячок был настроен более чем решительно.

— Натан! Я тебя очень прошу! Сделай так, как я сказала. Пожалуйста!

— Но...

— Поверь мне! Я знаю что делаю, и знаю что говорю. Если что...

— Если?...

— Ладно. Не заморачивайся! Просто сделай так. И всё будет хорошо.

Молчит. Сопит. Обиделся на меня, наверное... Ну и ладно... Я уж переживу как-нибудь. Сейчас главное, всё сделать как надо.

Как там цыплёнок в мультике пел? Надо, надо, надо спешить! Надо тор-р-ропиться!

Сзади за пояс пристраиваю один револьвер. Ножи у меня с собой. Вплавь пересекать эту реку не хочу. Хоть и не Волга она в ширину. Да и течение вроде бы не как у горной речки. Но после форсирования мне ещё потом обсыхать часа два не меньше. Не воевать же в мокром. Не комильфо это. Да и неудобно. Вода будет в кедах хлюпать.

Вроде бы там впереди в сторону Шуи есть мосток через эту водную преграду. Вот им и воспользуемся.

Средним бегом, быстрым шагом, вдоль реки да по кустам, шурую в надежде, что до моста не так уж и далеко...

Так и оказалось. Через пару километров мост. Солидный такой, крепкий. Даже и на машине можно, если что... Указатель мне сообщил, что реку зовут Теза, а населённый пункт прямо в полукилометре зовётся деревня Бильдюхино...

Забавное название.

Перебежав через мостик, двигаюсь уже шагом, восстанавливаю дыхание.

Тихо... Тихо... Ещё тише.

Вот впереди уже и голоса слышны.

Слов не разобрать пока, смех, мат...

Занимаю удобное положение в кустах. Видно отсюда хорошо. Не более тридцати метров. Можно бы и поближе подобраться, но пока осмотрюсь.

Хотя особо осматриваться и не надо особо. Про удочки в реке эти трое давно забыли. Подбрасывают веток в костёр. Не костёр даже, а костерок. Так, для дыма, чтобы комаров отпугивать. Пустые бутылки. Ошибся я. Не водку пьют. Портвейн. Без разницы мне. Я не по этой части.

Чем так воняет?

Блин. Везде гадят.

Да ну нах...

Я вляпался...

Зато теперь я прямо как настоящий советский писатель. Не помню, кто сказал, что у настоящего писателя всегда должно быть что-то не так. Либо ширинка расстёгнута, либо рукав в дерьме.

Во-во. У меня теперь тоже... рукав... ага... по самый локоть... Ладно. Отмоюсь потом... Я же ниндзя, блин... Смешно, но верно. Наверняка эти косоглазые шпионы не раз прятались в дерьме по горло, чтобы подстеречь свою жертву.

Лежу. Воняю. За гопниками наблюдаю.

Дождался всё-таки момента, когда один из них, тот самый, с расписной рожей, в кусты направился. Видимо зов природы, не иначе. В руке кусок газеты. Ясно всё...

Лежу... Жду...

Расписной устроился у ближайших кустов. Присел, спустив штаны... Пора!

Подбегаю тихо, и заранее вынутым из левого рукава стилетом бью в шею сбоку справа. Хватаю его за волосы, заваливаю на спину, прямо в его свежее дерьмо, и снова бью. В шею в грудь, снова в шею... Хрипит. Дёргается. Но от костра его не слышно. Там ржут, как лошади в две глотки. Он же культурно отошёл подальше от костра... Молодец какой... И умер он раньше, чем понял, что же с ним произошло.

Затих. Надеюсь, что навсегда. Вытираю клинок о его одежду... Хотя это меня уже надо обтирать. И даже пора целиком стирать. Весь в дерьме. Противно. У меня не только физическая, но и моральная тошнота и рвота на подходе. Так что пора заканчивать с этим побыстрее, пока я совсем не провонял. К н и г о е д . н е т

Выглядываю. Эти двое сидят ко мне спиной. Меньше десяти метров уже до них. Уже ясно кто есть кто. Слева — тот, кто мне не нужен особо, а справа, тот самый Гриша. Его мне нужно ещё и допросить на тему, как добратся до его бати.

Быстро-быстро на полусогнутых метнулся к левому. Снова тем же приёмом в шею сбоку. Но, уже не стесняясь, выдирая стилет из шеи, разрываю дальше, не смотря на кровь и бульканье из прорезанного горла. А второму просто по-футбольному с левой ноги пробиваю в голову. Летит он правда не как мячик. А просто заваливается на бок. Возвращаюсь к недорезанному, и добиваю ударом в грудь, в ту область, где сердце быть должно.

А теперь займёмся моим последним оппонентом. Приставляю окровавленный стилет к лицу приходящего в себя поддонка...

— Ку-ку, Гриня! — вспомнился эпизод из «Неуловимых»...

Кстати фильм уже сняли и показали на экранах, как и вторую часть. А вот третью, самую неудачную часть ещё не сняли и лучше бы и не снимали вовсе.

Клиент явно фильм смотрел. А теперь смотрит на меня глазами полными ужаса. Журчит... Его штаны быстро намокают в районе паха...

Ну надо же, как обманчива бывает внешность. С виду вроде волк, а душа болонки...

— Чего тебе надо?

— Батя твой, где?...

Глазки забегали.

Нет. Он явно ещё ничего не понял, но почему он сразу так задёргался?...

Что-то тут не так.

А что?

Стрекот мотоциклетного двигателя я услышал слишком поздно...

На полянку съезжал мотоцикл с коляской, раскрашенный в милицейской манере. Жёлтый, с синей полосой. Управлял им тот самый усатый сержант, а в коляске восседал кто-то в звании капитана.

Как я сразу не догадался, что они кого-то ждут. Ведь они пили портвейн, а рядом ещё несколько бутылок. И среди них две бутылки водки. Так же никто не пьёт, если конечно не

хочет напиться в зюю.

А значит...

Значит они ждали кого-то, кто будет пить водку.

Блин! Блинский...

Я просто раззява.

Быстро пробиваю стилетом под ребро стараясь попасть прямо в сердце, а сам откатываюсь в сторону, выдёргиваю из-за пояса сзади свой наган. Чёрт, револьвер с глушителем цепляется за что-то, и я теряю драгоценное время...

Менты уже поняли, что, что-то не так, но ещё не успели понять что. Усатый просто привстал повыше, пытаюсь разглядеть и понять всё картину происходящего. А второй, который капитан, уже лапал свою кобуру.

Не целясь, стреляю в грудь усатому.

Попадаю в грудь, и его сносит с седла.

Про капитана тоже помню, но... Я ещё помню, что милицейскую кобуру надо ещё расстегнуть, а потом вытащив Макара, снять с предохранителя и передёрнуть затворную рамку, дослав патрон в патронник. Ну, это по правилам. А ещё менты обязаны сперва крикнуть, что будет стрелять, и первый выстрел сделать в воздух.

Ну... это должно так быть, по правилам...

На этот раз, всё пошло не по правилам.

Видимо капитан был опытным и тёртым калачом. Когда я перевёл ствол нагана на него, он уже целился в меня из своего табельного Макарова.

Либо мне показалось, либо выстрелили мы одновременно. Выстрел Макара был громче, да просто оглушительно громче хлопка моего нагана...

Меня отшвырнуло в сторону. Я почувствовал, что меня как будто ударили кувалдой в правое плечо. С размаху, с оттягом...

Меня развернуло и шмякнуло о землю. Причём лицом в эту самую землю я и воткнулся. Револьвер вылетел из моей руки, и я даже не представлял сейчас, где он вообще находится.

Сознание мутилось, а подсознательно я ожидал нового выстрела. Но тянулись такие длинные секунды, а выстрела всё не было.

Кое-как, опираясь только на левую руку, я начал вставать. Правое плечо как будто онемело, но боль резко включалась при попытке пошевелить правой рукой.

Револьвер оказался ближе, чем я думал.

Я подхватил его левой рукой, и повернулся ко всё ещё тархтящему на холостых оборотах мотоциклу.

Капитан сидел в коляске, откинув голову назад. Фуражка с него слетела. Во лбу открылся третий глаз. Аккуратный такой, красненький. Ну, а сержант, как слетел с мотоцикла, так всё ещё и лежал там же, всё ещё суча ногами.

Блин... Как же больно...

Подхожу к капитану, забираю из его руки ещё зажатый в ней пистолет. Подойдя к дёргающемуся в конвульсиях сержанту, стреляю из ПМ в упор, прямо в рану от моего нагана. Усатый дёрнулся и затих. Второй выстрел ему делаю в голову снизу под челюсть...

Хороший пистолет этот Макаров. И пуля у него мощная... Заднюю часть черепашки развернуло как в фильме ужасов, когда там инопланетный кокон раскрывается кроваво-красным цветком. Аккуратно, стараясь не оставлять своих отпечатков на кобуре, достаю теперь уже табельный пистолет сержанта. Сначала вкладываю ему в правую руку и стреляю

в сторону капитана, наугад. Мне все равно, куда попадёт его пуля. Зато на руке сержанта останется пороховой след от выстрела.

Возвращаюсь к капитану. Тщательно обтерев своей одеждой пистолет от моих пальчиков, вкладываю ему в руку. Пистолет в мёртвой руке не держится и выпадает на землю.

Неважно... На нём уже есть его свежие «пальцы». Приставляю ПМ усатого сержанта аккуратно к «третьему глазу», нажимаю на спуск. Выстрел. И у этого тоже нет полчерепа теперь.

Надеюсь, что судмедэксперты не будут особо копаться в этих телах. Скорее всего, замнут это дело.

Милиционеры вроде бы. Ну, постреляли друг в друга, чего уж там... всяко бывает.

Вернул ПМ сержанту в руку. Свои отпечатки, естественно стёр.

Блин... Как же больно. Аж в глазах двоится.

Встряхнись! Тебе ещё есть чем заняться.

Десант не сдаётся. Сначала мы делаем то, что возможно, а когда нет больше сил — делаем всё что надо...

Обхожу своих гопников. Все вроде бы в норме. То есть не дышат, не гадят, и вообще больше не отравляют этот свет своим бессмысленным существованием.

Интересно... А я тут сильно на шумел? Из Макара четыре выстрела было... Пора уже и сваливать.

Бросил взгляд на тот берег... Вижу вдалеке наш «Запор». Натан... Где он?

А... Вон он... В машине...

Что он делает?

Куда?

Куда ты едешь?

Зачем?

Стой!

Я же сказал...

Машу ему рукой, привлекая внимание. Лишь бы заметил... Лишь бы он меня заметил...

С него станется. Приедет сейчас этот герой через мостик сюда, меня спасать. Наследит тут нашими запорожскими шинами.

И будет тут такой след, что был кто-то ещё, кроме сержанта с его сынком и капитана. Ну и ещё пара гопников. Пусть потом разбираются...

— Натан! Стой!...

Не слышит...

Колесо ему что ли прострелить?

Нельзя. У нас и так запаска пробита.

Блин. Где искать шиномонтаж?

Какой на хрен шиномонтаж?

— Стой!

Вроде как услышал...

Или понял чего по моим телодвижениям, что что-то он не так делает. Остановился, вышел из машины. Смотрит на меня через реку.

Машу ему своей здоровой левой. Типа не надо никуда ехать.

Наган снова сзади за пояс. Подобрал с земли стилет. Кое-как запихнул в ножны. Правая

не работает. А ножны на левой руке... Справился и с этим... Ковыляю в сторону реки, но забираю чуть левее, чтобы след был не с этой полянки... В кустах примыкающих вплотную к реке захожу в воду...

Водичка холодная... Отрезвляет.

Захожу поглубже. Вот уже и по грудь.

Холодная вода обжигает рану на правой руке. Начинает сильно дёргать. Дёргает так, как от зубной боли прям...

Нет... Зубная боль покруче будет...

Начинаю плыть... Чапаев, блин, недоделанный.

Загребая левой, левой...

Врешь! Не возьмешь!...

Да, это вам не Урал-река, но тоже и глубока, и широка... Особенно для пловца с одной левой рукой. Да ещё и в голове туман...

Где же, сука, берег?...

Блин, как далеко...

Ещё метров пять... Или семь...

Какое сильное течение...

Какое, в жопу, течение?...

Тут с утра и течения-то не было никакого...

Почему меня несёт куда-то?...

Плыть... Плыть...

Левой, левой...

Ноги, кажется, уже достают до дна...

Да...

Есть контакт...

Тяжело передвигаясь, я бреду по илистому дну...

Вот уже и по пояс...

Здесь мелко...

Я вижу...

Я вижу, что ко мне уже бежит Натан...

А чего он так встревожен?...

Всё закрутилось, завертелось в глазах...

И я упал вперёд лицом вниз, прямо в воду, не дойдя до сухого берега пары шагов...

Тьма...

Что? Опять?...

Конец третьей книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net